

Литературные известия

№ 7 (111)

Июль 2014

Газета Союза писателей XXI века, Союза литераторов России, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня
в номере:

✱

Книги Евгения Степанова

✱

Книги Ольги Любимовой

✱

Книжная полка

✱

Страницы

Союза литераторов

России

✱

Новинки

издательства

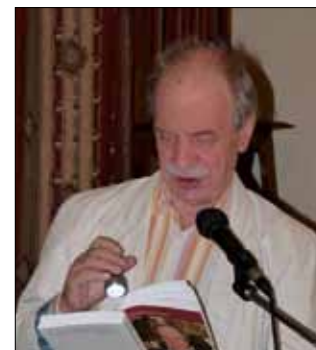
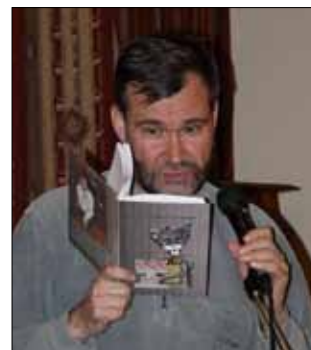
«Вест-Консалтинг»

СОБЫТИЯ

НОВЫЙ СЕЗОН В ЦДЛ

9 сентября 2014 г. состоялось первое после летних каникул заседание «Гостиной Союза писателей XXI века». О новинках, достижениях и печатных изданиях рассказал Евгений Степанов, президент Союза, директор издательства «Вест-Консалтинг». Свои новинки представили и читали стихи и прозаические произведения: Константин Кедров, Нина Краснова, назначенная недавно Первым секретарем СП XXI века, Елена Кацюба, Александр Карпенко, Зульфия Алькаева, Вадим Ковда, Марина Глазунова, Гоар Рштуни, Рада Полищук, Юрий Арго, Людмила Саницкая, Ольга Адрова, Виктор Хатеновский, Олег Михальский, Александра Ирбе, Павел Чувиляев, Ольга Михайлова, Константин Кедров, который очень верно отметил, что в России поэзия — это явление более значимое, чем любая политика. Все проходит, поэзия остается.

Ольга МИХАЙЛОВА,
фотографии автора

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИР

ИЗБРАННОЕ НИНЫ КРАСНОВОЙ

В издательстве «Вест-Консалтинг» в октябре 2014 года выйдет двухтомник стихов выдающейся поэтессы Нины Красновой. Это избранное «принцессы русской поэзии», составленное автором.

Соб. Инф.

НОВАЯ КНИГА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

В октябре 2014 года в издательстве «Вест-Консалтинг» (серия «Библиотека Поэта XXI века») выйдет новый сборник стихов Евгения Степанова «Аэропорт». В книге в основном представлены силлабо-тонические произведения автора, а также рассказ в стихах «Аэропорт».

Соб. Инф.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ — «ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕКА»

Международная премия «ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕКА»

Положение о премии

Международная литературная премия «Писатель XXI века» учреждена Союзом писателей XXI века, Союзом литераторов России, Южнорусским Союзом писателей, Союзом писателей Молдовы, Литературно-творческим объединением «Отдушина» МИД России, Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве, фестивалем «Ладомир» имени Велимира Хлебникова, Останкинским институтом телевидения и радиовещания, телеканалом «Диалог», издательской компанией «Старый свет», магазином www.litlavra.ru, «Литературной газетой», интернет-порталами «Читальный зал», «Мегалит», журналами «Юность», «День и Ночь», «Дети Ра», «Дон», «Звезда Востока», «Знание-сила. фантастика», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Словесность», «Футурум АРТ», «Эолова арфа», «Кольцо А», газетами «Литературные известия», «Поэтоград», «Интеллигент. СПб» и другими изданиями. (Список соучредителей и членов жюри может быть расширен.)

Международная литературная премия «Писатель XXI века» учреждена с целью поощрения выдающихся русских поэтов, прозаиков и литературных критиков, живущих в России и за рубежом, повышения социальной значимости современной русской издательской словесности, привлечения к ней читательского и общественного внимания.

Международная литературная премия «Писатель XXI века» учреждена Союзом писателей XXI века, Союзом литераторов России, Южнорусским Союзом писателей, Союзом писателей Молдовы, Литературно-творческим объединением «Отдушина» МИД России, Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве, фестивалем «Ладомир» имени Велимира Хлебникова, Останкинским институтом телевидения и радиовещания, телеканалом «Диалог», издательской компанией «Старый свет», магазином www.litlavra.ru, «Литературной газетой», интернет-порталами «Читальный зал», «Мегалит», журналами «Юность», «День и Ночь», «Дети Ра», «Дон», «Звезда Востока», «Знание-сила. фантастика», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Словесность», «Футурум АРТ», «Эолова арфа», газетами «Литературные известия», «Поэтоград», «Интеллигент. СПб» и другими изданиями.

«Литературной газетой», интернет-порталами «Читальный зал», «Мегалит», журналами «Юность», «День и Ночь», «Дети Ра», «Дон», «Звезда Востока», «Знание-сила. фантастика», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Словесность», «Футурум АРТ», «Эолова арфа», газетами «Литературные известия», «Поэтоград», «Интеллигент. СПб» и другими изданиями.

(Список соучредителей и членов жюри может быть расширен.)

Международная литературная премия «Писатель XXI века» учреждена с целью поощрения выдающихся русских поэтов, прозаиков и литературных критиков, живущих в России и за рубежом, повышения социальной значимости современной русской издательской словесности, привлечения к ней читательского и общественного внимания.

Премия присуждается ежегодно. Объявление об очередном присуждении премии осуществляется Союзом писателей XXI века через средства массовой информации, а также через социальные сети.

На соискание премии могут быть выдвинуты поэты, прозаики, литературные критики, издавшие в текущем году книгу.

Правом выдвижения на звание лауреата обладают редакции литературных газет и журналов, Союзы писателей, другие общественные организации, литературные критики.

Прием заявок заканчивается 25 ноября текущего года.

Церемония награждения проходит в декабре текущего года.

Генеральные менеджеры международной литературной премии «Писатель XXI века» — Президент Союза писателей XXI века Евгений Степанов и секретарь Союза писателей Москвы Игорь Харичев.

Книги и сопроводительные письма можно отправлять по адресу: 115114, г. Москва, ул. Кожевническая, д. 19, стр. 6, Харичеву Игорю Александровичу. Электронные книги можно отправлять по адресу: pisatel-21@mail.ru

**Пресс-служба
международной литературной премии «Писатель XXI века»**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Лара Моревски**«Афганская сага»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2010

Написанную мной после прочтения книги Лары Моревски «Афганская сага», рецензию хотелось бы предвосхитить словами одного из героев романа:

— Андрюха, не пиши красиво — пиши, как есть.

Для любого читателя объективное мнение о книге — ключ к прочтению, в этом и заключается, думается, вся ответственность той, кто пишет о ней.

«Афганская сага» — часть дилогии об афганской войне, написанной Ларой Моревски. Вообще, писать женщине-прозаику о войне сложно и просто одновременно: первое, из-за невозможного, зачастую, пребывания на самой войне, но именно женщина своеобразно притягивает к себе эмоциональные, любовные и шокирующие чувства, которые на войне, крайне неуместные, возникают, живут и умирают.

Лара Моревски, безусловно, автор, способный создавать произведения, захватывающие читателя настолько, что после прочтения он еще долго не может отойти от пережитого эмоционального шока. Главная героиня романа — Лиза Панкова — совершенно сознательно порывает с благополучной московской жизнью и отправляется в Афганистан, ведь: «Вера в то, что где-то впереди ждет иная жизнь, полная смысла и света, дает силы все преодолеть». С первых минут появления в полку героиня осознает все безумие и хаос войны. Автор романа достоверно и искренне описывает столкновения Лизы с реальностью: рейды, разведка боем, военные операции, страшные потери — смерти. Проклятая война, зовущая раненого в небо, в бой. Женщине на войне ужасно: «Война — не женское дело, там мужская жизнь по мужским законам, и долг женщины даже там, на войне, один: «Твой долг — любить меня, и рожать мне детей, нечеловеческие испытания — не для женщины». Но героиня остается. Ее родиной становится любимый человек, который вместе с ее долгом быть на войне приобретает чувство долга перед жизнью. Лара Моревски в своей героине сублимирует любовь — это становится своеобразной квинтэссенцией любви на войне вообще. И автор достигает это наилучшем образом: героиня, потерявшая любимого мужчину в этой бойне, способна на подвиг — она идет на поиски своего возлюбленного, перенося на себе не только военные переживания, но и восточный мир, сложенный согласно Корану. С подлинным интересом Моревски живописно и правди-

во описывает природу Файзабада, Джангардари, не без внимания остаются колоритные кишлаки с местными жителями: от босоногих мальчишек до надзора муллы. Моревски приводит такие сравнения, использует такие обороты, что изображаемые ею декорации и персонажи, эмоции и события становятся объемными, реальными, вырастают на книжных страницах и ощущаются особенно остро. «Во имя Аллаха милости-

вого и милосердного» поклоняются от малого до старого, видя в нем опору и безграничную защиту. «Если хотят изменить тебе, то это значит, что прежде изменили Богу». Кодекс почитаемого Корана на восточной войне оказывается применимым для своего и врага одновременно. Именно в этой фразе, написанной из Корана муллой, Лиза увидит весь ужас и предательство любимого человека. На войне появится конкурент долгу — страсть к жизни, и это физическое начало будет владеть над чувством товарищества и достоинства. Любовь, возникшая так не вовремя на войне, не теряет свой смысл, а переходит в свое наивысшее состояние — верность своему внутреннему долгу и общественной морали. Любовная линия, слагающая сюжет романа, выводит главных героев перед нами, как на поверку.

Книга Лары Моревски показывает не только субъективность героев, но обозначает общественные понятия, пропустить которые в «Афганской саге» невозможно — это патриотизм общественный и личный, вместивший в себя высокую мораль и нравственность.

— Ты задумывалась, за что мы здесь воюем? За свою землю? Нет. За свой народ? Нет. Кому они здесь нужны? Афганцам? Им и без нас хорошо живется в их «средневековье». Почему я должен гибнуть на этой войне?

— Ты давал присягу, — сказала Лиза.

«Война, слава Богу, кончилась. Вроде, все должно остаться позади, но память осталась там, большая память. Время вылечит». Война не заканчивается. Она продолжается в истории сломленных, изуродованных человеческих судеб. И именно эти истории об афганской войне породили пласт культуры, называемый культурой «забытого и преданного солдата». Современная художественная литература, в произведениях которой создавались и воссоздаются биографические истории «забытого и преданного солдата», преобразовала на свой лад значимость и моральную результативность войны. «Белобилетники» и процветавшая дедовщина, ставшая бичом современной армии, образ военного как защитника своей Родины, внушенный историей ужас войны — все преобразовалось в единый художественный поток, сформировавший правдивое слово о солдате и о его героическом подвиге.

Читать «Афганскую сагу» нужно. Читать в спокойной обстановке, имея возможность осмыслить роман, почувствовать себя каждую фразу автора. Только при этом условии роман может быть понят и принят читателем.

Алина МАНАКОВА**Ольга Михайлова****«Рябиновый оберег»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Сборник «Рябиновый оберег» Ольги Михайловой удивительно гармоничен. Здесь традиционные силлабо-тонические стихотворения плавно перетекают в верлибры или строки из записной книжки — как заметки на полях, лирические жемчужинки, а потом переходят — в прозу.

Чувствуется, что рифма несколько тяготит автора, сковывает, а потому даже в силлабо-тонических текстах рифмуются подчас только вторые и четвертые строки, иногда и эта рифма условна. Как будто язык требует большей свободы выражения, а любые ограничительные рамки — и четкий метр, и рифма — его сдерживают. Впечатление подтверждается, когда начинают встречаться — каплями, словно дождь начал накрапывать — верлибры. Они и свободнее, и органичнее. Видно, что над автором не довлеет форма, а потому предметы получают не искусственную, а естественную огранку. То есть, огранка и вовсе не видна, зато запечатлена картинка:

Сквозь голубые платица нежного льна —
Лоскуты ранимого неба.

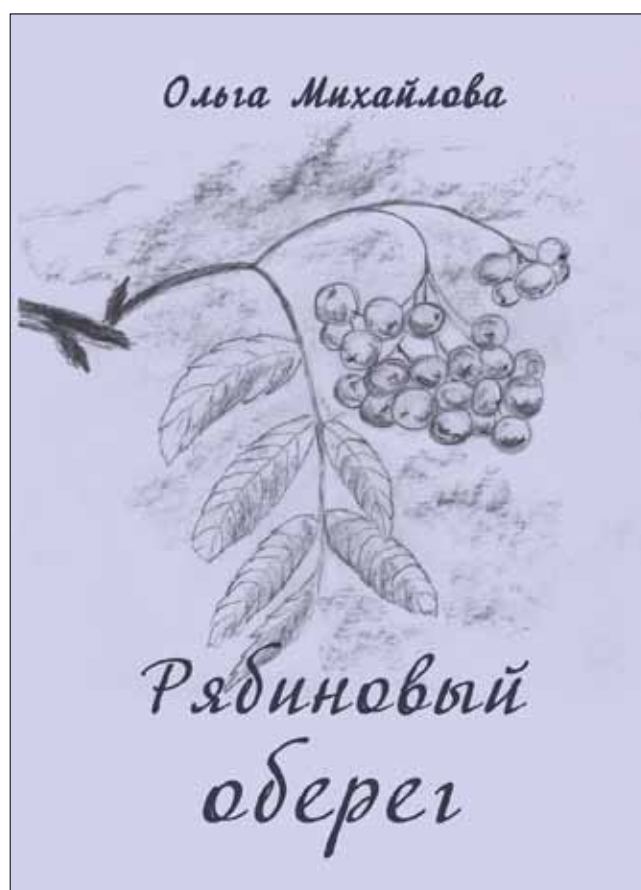
Или:

Бегство от серого дождя
В доброе искреннее лето.
Я играю с ним в догонялки.

Или:

Ласкается море,
Кутаешься в нежность ветерка.

Заметьте, насколько точно и легко сказано! Перед читателем не только картинка, но и внутренний сюжет, текст оживает, он визуален и практически осязаем. Бегство от дождя предстает одновременно и погоней за летом. Здесь и обычная пейзажная зарисовка, и попытка философии: мы все стараемся не упустить лето нашей жизни, прожить его полноценно и как можно дольше не вступить в пору осени. Подобный подтекст и оживляет стихотворения, делает их поэзией, то есть — искусством. Наиболее удачные именно такие, под которыми обнаружива-

ется второе дно. Таким образом, можно констатировать — у автора есть чувство слова. Отметим, что подобная лирика вполне актуальна, поэтика Ольги Михайловой напоминает мне словесные экзерсисы Михаила Бару, поэта и путешественника, опубликованные, например, в «Арионе»:

осенний ветер...
из акварели в гравюру
превращается сад

Согласитесь, нечто родственное есть. Духовное начало, позиция наблюдателя. Намеренный уход от хаоса страстей. Это живая природа, и неудивительно, что на страницах сборника ощущается, как падает листва или переговариваются волны. В некотором смысле поэзия Ольги Михайловой дегу-

манализирована. Природа здесь являет истинную сущность и предьявляет права как минимум равные человеку.

Вот еще несколько характерных миниатюр:

Гроза

Переполох в небесах.
Начинается гроза.
Море встает на дыбы.

Или:

Миниатюрной скалой вырос из моря камень.
Как на одинокой планете,
Уединился на нем бородач-дикарь
И колдует над своим ноутбуком.

Или:

Гранат

Красные со светлой каймой бутоны цветков.
Красота еще спит.

Но, пожалуй, лучшей миниатюрой Михайловой назову следующую:

Отдыхает после утреннего лова
маленькая рыбацкая лодка.
Отчаянно пахнут морем еще мокрые сети.
Небо в них запуталось.

«Рябиновый оберег» — вторая книга Ольги Михайловой и хочется верить — не последняя. Поэтичность ее мира — очевидна. Автор пытается впитать в себя окружающее ее и переложить на бумагу — не сфальшивив. Это говорит об ответственности перед читателем. Да и перед собой.

Добрых слов заслуживает и поэтическая проза Михайловой. Миниатюры не большие, но: проникнутые лиричной грустью. И выписаны — без лишних слов и ненужностей. Вообще, тяготение к миниатюрности форм — похвально. Когда мысль можно уложить в несколько строчек, то ей окажется — как и должно — просторно. А это таинство дано не всякому. Ольга Михайлова, на мой взгляд, его постигла.

Евгений МЕЛЕШИН

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Олег Гуров «Вирус слова»

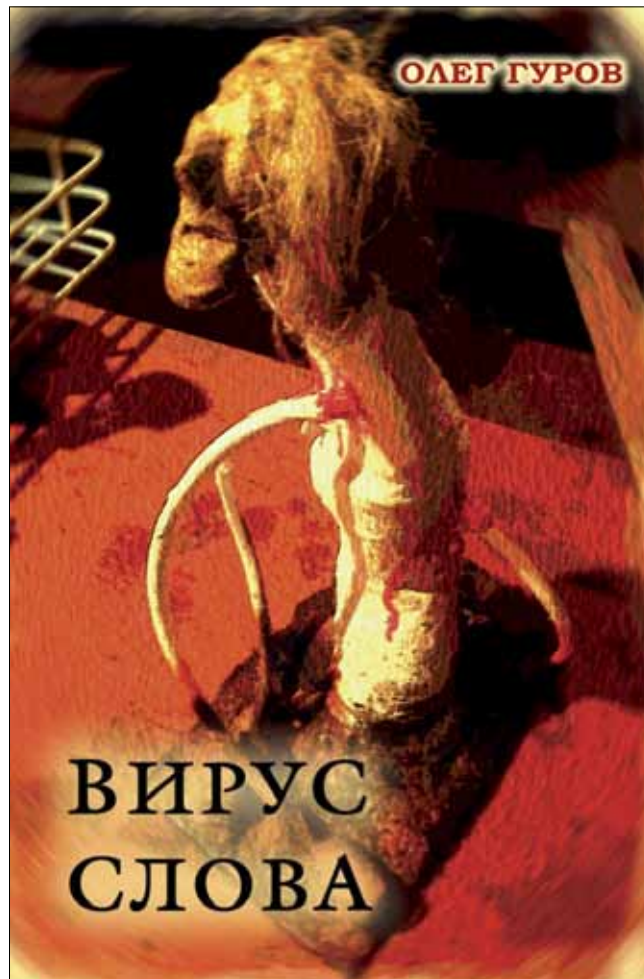
М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Книга стихов московского поэта, художника и скульптора Олега Гурова со зловещим названием «Вирус слова» рождает впечатление, скорее, отталкивающее, но цельное. С негативным ощущением от чтения этого сборника все понятно — автор, похоже, задается целью его сформировать у читателя, настолько «закольцовано» воздействие подавляющих, угнетающих воображение слов и изображений, составляющих книгу. Она начинается с аннотации: «Эта книга — и размышление о вирусах, и сама по себе вирус, который проникает в сознание читателя и паразитирует на его мышлении. Концептуально «Вирус слова» продолжает размышления автора, представленные в его первом сборнике стихотворений «Ангедония», — которой и завершается, так как эти же две фразы даны на последней странице обложки, под портретом автора... гм, действительно, выглядящим весьма болезненно... Добавлю, что книга иллюстрирована работами Олега Гурова, создающими такое же эстетическое чувство: они мастерски сделаны, однако пугают. Но можно ли изобразить вирус либо его жертв привлекательными?.. Вряд ли. Отсюда и нарочито грубая форма стихосложения, которую использует Гуров — разнородная ритмика стиха, приблизительные рифмы, «маргинальные» словечки типа «говно», «насрать» и любимое автором «про.бать» со всеми производными.

Но помимо краткого введения в курс дела — аннотации к книге — есть еще и развернутое: «От автора», посвященное поэтической «вирусологии». «Уильям Берроуз писал, что если вирус не вызывает никаких вредных симптомов, мы его не замечаем. Но от этого вирус не становится менее могущественным. На вирус вообще стоит обратить внимание как на универсальный концепт культуры... И человеческий язык, и информация являются мощными вирусами, изменяющими и заставляющими мутировать сознание и тело человека, меняющими социальное поведение и мировоззрение... По словам Жана Бодрийера, СПИД, финансовые кризисы, электронные вирусы и терроризм — все это взаимосвязано и переходит одно в другое».

Вот такая весомая теоретическая база подведена под стихи Олега Гурова, которые я бы определила как современную городскую поэзию, сильно проникнутую мизантропией. Город служит постоянным фоном мрачного действия этих стихов, на него возлагается доля ответственности за то, что действие выглядит именно так:

Рассыпавшийся мусорный пакет.
Это — аллегория повседневности,
тянущейся пару бесконечных лет,
пахнущей алкоголем и брэнностью.

В этом городе замученных людей,
марширующих под сирены скорой
помощи,
нет никаких вариантов для движения
в стороны.

Впрочем, поэт и себя не оправдывает:

Ведь мне — все плохое.

Не исключено, что концепция всеобщего вируса и служит для поэта своего рода оправданием мизантропии.

Из стихотворения в стихотворение переходит мотив болезненности существования, иногда описанный точно в медицинской карте:

Я резко цепенею.
Как от анальгетика местного действия замираю, каменею.

...Внешнее проявление симптомов столбняка.
Мышцы как струны,
мышцы как камень.

Но это внутренняя свержорганизация
не взорвется вулканом.
Не наступит извержение.
Анестезия в качестве сопутствующего эффекта,
полная стерильность как побочный результат.

Поверхность кожи рвут зубы изнутри,
чешуйки, когти, волосы прорастают
из мышц и ногтей,
внутренние органы меняют форму и несут
новые функции,
по артериям струится клей, —

а иногда, напротив, опозтизированный:

Льется вовнутрь,
отравляя все больше,
слоями все тверже,
сосуды все тоньше,
звенят колокольчиком
звонкий набат,
последний набат,
а кто виноват.

Исход такого «антибытия», разумеется, предначертан:

Пора бы осваивать практику умирания,
но я еще поборюсь...

Ноотроп на рассвете,
антиоксидант в течение дня,
анксиолетик на ночь,
такая фигня.

Но средства от «вируса информации» Олег Гуров не знает — в любом случае, это не таблетки. Потому его книга стихов построена по самой пессимистичной схеме: первая ее часть называется «Глава 1. «Пустота», вторая — «Глава 2. «Иллюзии», третья — «Глава 3. «Заражение». От пустоты и морока неукоснительно произойдет заражение, и никак иначе. Заключительное стихотворение книги называется «Доктор Вирус», и в нем назойливо повторяется рефрен «я жертва» — «утопии медиализации», «утопии прогресса», «утопии свободы». Упадническое мироощущение поэта достигло своей кульминации. А читатель не на шутку напуган вирусом.

Елена САФРОНОВА

Павел Рыков «Излом»

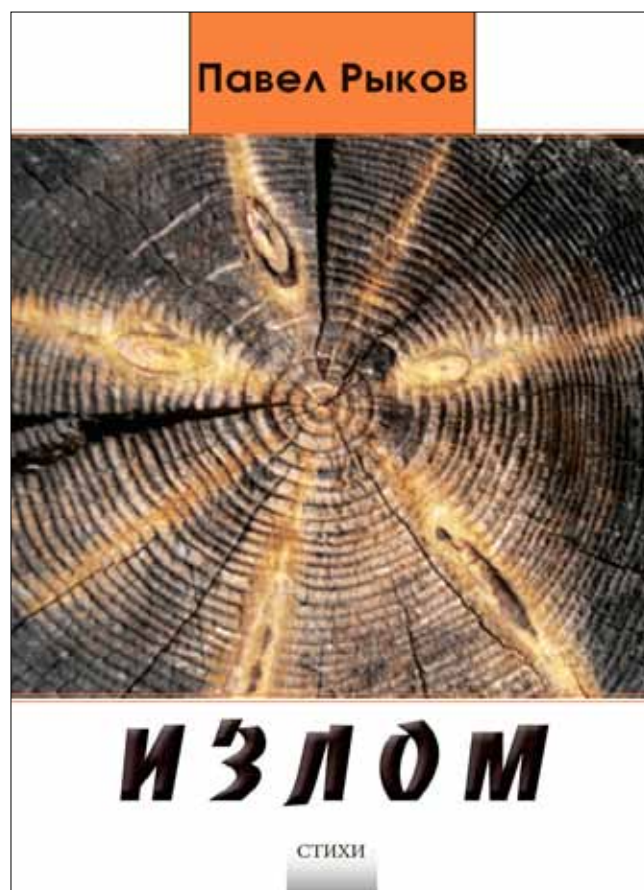
М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Поэт Вадим Ковда недавно в приватной беседе со мной сетовал, что никто сейчас не рискует писать правду о русском народе. О русской земле. Прочтя новую книгу стихов Павла Рыкова, могу с уверенностью заявить: есть такие поэты! Как мне показалось, стержневая тема в творчестве Павла Рыкова — это как раз тема патриотизма. Родина у Рыкова словно бы расслаивается на разные лики. Официальный Кремль — это одна Россия, русский народ — совершенно другая. Столица и глубинка — разительно не похожи друг на друга. Рыков, в прошлом москвич, ныне живет в провинции. Побывал поэт и за рубежом. Все это выливается в его поэзии в объемную картину русской жизни. Хорошо, что у Павла Рыкова есть ответы на многие вопросы о Родине.

Когда заступников не счесть,
А Родина сильна,
Тогда, мой друг, немало есть,
Кто пить готов до дна.

...Но если родина бедна,
И ты один, один,
Тогда какая глубина
У гибельных глубин?

Мне по душе традиционализм, идущий из глубины нашей истории. Когда коммунистический эксперимент на русской земле потерпел фиаско, люди начали смотреть в будущее из прошлого, начали искать надежду и опору в том, что когда-то уже было оплотом русского духа. В православии, духовном единстве, благочестии. С какой болью отзывается сердце поэта на драматические события из нашего прошлого! Как он переживает выдворение из страны ее лучших сынов — Бунина, Шаяпина и других. И не беда, что с тех пор прошло почти сто лет. Все это происходит в сердце поэта здесь и сейчас.

Нравственная вершина святости для Рыкова — душа невинно убиенного царевича Алексея. Эта душа знает, где правда. Душа ребенка — это и душа народа. Право судить Россию имеют только ее святые!

«Мы Родину с тобою не корим» — признается Павел Рыков. «Излом» — так называется его новая книга. Излом, по Рыкову, — состояние не сиюминутное, а длящееся годы, может быть, даже века. И оно, хотя и бывает связанным с конкретной эпохой в исто-

рии России, однако сущностью эпохи не определяется. Излом может быть и во времена брежневского «застоя». Излом в душе русского человека происходит, с одной стороны, от неумения жить, а, с другой, от того, что родное государство не создает людям человеческих условий для жизни. И Павел Рыков вдруг изменяет свой посыл — о том, что «мы Родину не корим»:

Зачем, зачем ты с нами так жестока?
Скажи скорей: в чем каждый виноват!
Но Русь не слышит нашего упрека,
К небесной выси устремляя взгляд.

Отсутствие патриотизма, особенно в новейшее время, пугает и озадачивает Павла Рыкова. Он с тревогой говорит об «обамериканенных» поколениях. Однако патриотизм — чувство очень болезненное и порой опасное: большинство войн проходит как раз под патриотическими знаменами. В патриотизме важно быть твердым, но знать меру. Без фанатизма, без ущемления других наций.

Народ русский у Рыкова неоднороден. «Каждый третий вор» — с печалью отмечает поэт.

И все-таки поэт верит в нашу Россию. Его стихи темпераментны и бескомпромиссны. Божья искра сочетается у Павла Рыкова с отменным слогом и чеканными ритмами. У многих поэтов патриотическая тематика «выпирает», заслоняя собой лирику. У Павла Рыкова — наоборот, лирический дар усиливает гражданственность.

Родина! Не так ли мы с тобой
Изнашиваем от духовной жажды?
Но ударит гром над головой,
И Господь пошлет грозу однажды.

Грянь, гроза! И, молния, блистай,
Воскрешай иссушенные души!
Ливень долгожданный низвергай,
Благодать с небес на нас обрушив.

Александр КАРПЕНКО

КНИГИ ОЛЬГИ ЛЮБИМОВОЙ

Ольга Любимова
«На Ильинке»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Топоним «На Ильинке» россияне понимают, вероятно, в зависимости от своего возраста. Если для молодежи это рядовое определение места в центре Москвы, то для среднего и старшего поколения Ильинка — не просто точка на карте, а один из символов прежнего общественного строя. Ибо по этой улице располагались многие «властные» учреждения. И даже если среди них «затесывались» учреждения культурно-просветительские, вроде «редакционного отдела Института информации», сквозного места действия рассказов Ольги Любимовой, то из их окон был виден Кремль:

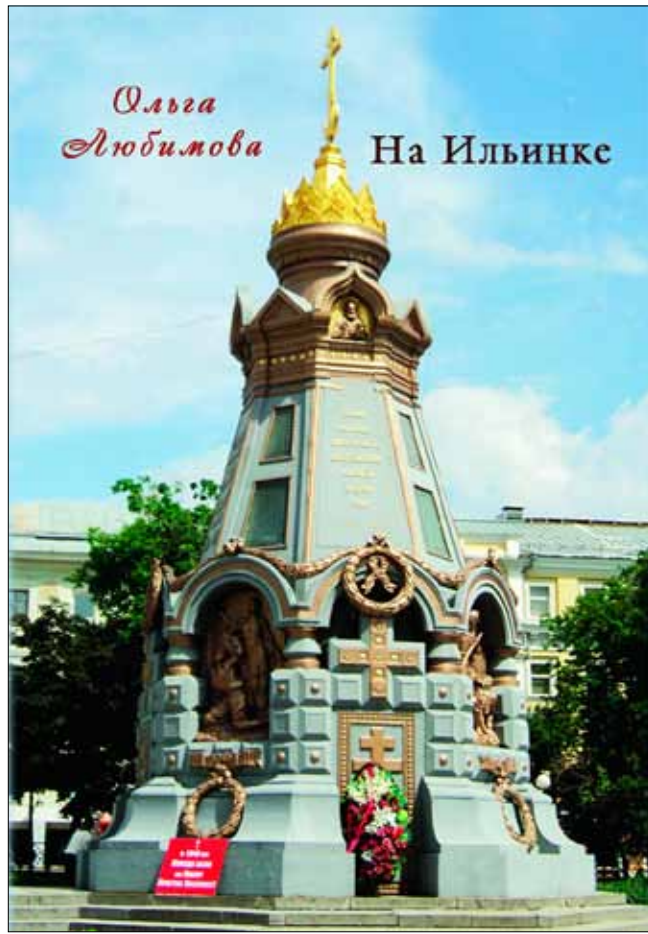
«Когда Розочку, бывает, спрашивают, где она работает, то она отвечает иносказательно:

— Я сижу перед окном и, если нужно узнать, сколько времени, смотрю прямо на часы на Спасской башне».

Такая диспозиция означала визуальную нерушимость связи власти и народа. Жизнь в те годы была более общественной, чем частной, работа была исключительно во благо Родины, а бытие имело характерные черты:

«И глухие, яростные стоны не были слышны; их заглушало повсюду раздававшееся мерное приглушенное туканье... это вся страна... выбивала, да, да, прошу прощения за аллегория, выбивала ковры».

Аллегория действительно двусмысленная, но ее «второе дно» сможет понять только человек посвященный — либо живший в ту достославную эпоху в СССР, либо хорошо осведомленный о быте и нравах хомо советикус доперестроечного периода. Создается впечатление, что Ольга Любимова к таким читателям в основном и обращается, на свойском, этаким «кухонном» языке перемалывая с ними косточки не такому уж отдаленному прошлому нашей страны: застою, перестройке, «дикому капитализму», пику внешней эмиграции... Ее простодушные рассказы не снабжены никаким «научно-справочным аппаратом», позволяющим лучше понять странности того времени. Впрочем, сноски и пояснения художественному тексту,

как правило, только вредят, «распыляя» внимание. Но и их отсутствие рождает иную сложность, в первую очередь — герменевтическую, для рожденных «после СССР» или потомков эмигрантов. Меж тем, книгу вроде сборника рассказов «На Ильинке» стоило бы прочесть и юным россиянам, особенно тем, кто идеализирует советское прошлое, не виденное ими.

Ольга Любимова ничего не идеализирует. Ей это органически невозможно — она там жила. Детали, которые она вводит в свое повествование, придумать нельзя — например, когда на Красной площади хоронили какого-то очередного большого чина, сотрудников учреждений, расположенных вокруг Кремля, добровольно-принудительно обязывали стоять в «скорбном» окружении площади. Правда, люди охотно на это шли, потому что после похорон их отпускали домой... В толпе «скорбящих» сплетничали, хвалились обновками, а самого траурного марша из задних рядов толпы было не видно, но одна умная женщина раскрыла пудреницу и стала следить за происходящим на площади через зеркальце. «Толпа единым духом переняла почин», — пишет Ольга Любимова и отмечает, что это было, скорее, акцией неуместной «раскованности племса», легчайшего, неопасного сопротивления засилью официоза, главного признака и главной беды отраженного в книге «нашего времени» (так и называется этот первый в сборнике рассказ). К нему, времени, нетрудно заметить, автор относится с болезненным неприятием.

В рассказе «Комната окнами на кремль» Ольга Любимова от собственного лица рассуждает о таком пороке эпохи, как замалчивание: «Замалчивание, ложь — признак трусости. Я все думала: "Чего они боятся?! У них в руках все: власть, деньги, сила! Чего же они так боятся?! Когда-нибудь неизбежного раскрытия всех совершенных преступлений?"» — и приходит к выводу, что — да, именно этого. А может быть — прозрения своих «подчиненных», обычных советских граждан. Их собиравшим образом в книге выступает Розочка из рассказа «На мостике-радуге», бывшая сотрудница редакционного отдела, под старость лет эмигрировавшая в Израиль. Ей было тяжело привыкать к новому климату, городу, быту, особенно — языку, но когда соотечественники, уехавшие раньше и лучше социализированные в Иерусалиме, спросили Розочку, не собирается ли она возвращаться в Россию, та ответила однозначно:

«Там жить нельзя! Там нельзя жить человеку. Там жить безнравственно!». Эти слова служат лейтмотивом книги «На Ильинке». И никакой ностальгии.

Елена САФРОНОВА

Ольга Любимова
«Когда Господь...»

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

По контрасту с только что рассмотренной книгой прозы Ольги Любимовой «На Ильинке», ее же сборник под разом туманным и претенциозным, но словно бы оборванным или скомканным названием «Когда Господь...» поначалу вызывает недоумение — что это за книга? Художественная, документальная, исследовательская, историческая, публицистическая?

Прочтение первой же главы недоумение развеивает и вопрос снимает. Глав в книге шесть, но почему-то пять из них называются «Глава», а шестая — «Часть». Надеюсь, смена термина не несет никакого каббалистического смысла. Из глав, поделенных на тематические подглавы, следует, что книга, безусловно, не художественная, а все остальные составляющие в ней имеют место быть. Ибо эта книга — вольный пересказ Библии до возведения Иерусалимского храма. Пересказ, скорее, наукообразный, нежели поэтический — и вместе с тем достаточно примитивный для серьезного исторического исследования. Хотя в конце книги, точно для придания ей солидности, содержатся «Список использованной литературы», «Принятые сокращения» и «Примечания». На мой взгляд, в том виде, в каком есть этот зачаточный научно-справочный аппарат, он книге не полезен, если не вреден. Он демонстрирует, что автор претендует на научный труд — но больше ничего в книге на научный подход не указывает. Труд Ольги Любимовой не содержит ни введения, ни постановки проблемы, ни раскрытия темы, ни выводов, подытоживающих ценность данного изыскания для науки (да и какой науки?). И, прошу прощения, для серьезной научной работы список использованной литературы в шесть книг, одна из которых Библия, — это нонсенс. Так же, как всего одно принятое сокращение: «ИД» — «Иудейские древности», Иосиф Флавий.

Так что в этом пункте возникает резонный второй вопрос: зачем эта книга написана? Ведь усилия автор приложила

немалые, что видно по объему издания. Поразмыслив, впрочем, находишь и на этот вопрос ответ — только гипотетический, но ведь справедлива цитата из пророчеств Иеремии

в темнице: «И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростию все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем». «Мудростию упражняюсь», ответ я нащупала.

Ближайшая аналогия, которую породил у меня сборник «Когда Господь...» — адаптированные книги классиков мировой литературы на английском (немецком, французском и т.д.) языке, предлагавшиеся в советскую пору ученикам «языковых» школ. Лично я читала в таком «усеченном» виде Стивенсона, Кронина и легенды о короле Артуре. Считалось, что усвоение «упрощенного» языка в виде художественного текста полезнее школьникам, ибо убивает двух зайцев — и чужой речи учит, и не скучно. С другой стороны, понятно, что все эти благие основания прикрывали одно лишь соображение: ну не смогут же дети рабочих и крестьян читать Шекспира и даже Кронина в подлиннике, хоть ты расшибись!..

Вот таким же, похоже, мотивом руководствовались и Ольга Любимова, суммируя в сокращенном виде библейские легенды — о сотворении мира, о создании людей, об Адаме и Хаве, о Каине и Авеле, о потопе, о Вратах Бога, об Аврааме, Исааке и Иакове и так далее вплоть до возвращения в Сион. Она просто добросовестно подготовила для неискушенного читателя, не знакомого с первоисточником Библии и не имеющего духовных и интеллектуальных сил для «потребления» тяжелого архаичного языка Книги Книг. Своего рода, сделала «адаптированную» Библию. Посыл, безусловно, гуманный. Только вот к литературе результат ее стараний имеет весьма опосредованное отношение.

Хотя... прослеживается неудивительное (автор-то один!) родство «писчей манеры» Ольги Любимовой в книгах «На Ильинке» и «Когда Господь...». Ольга Любимова в значительной степени «пересказчик». Там пересказала то, что видела, тут — то, что читала. А уж кому какая книга больше придется по вкусу, решать читателю.

Елена САФРОНОВА

РЕКЛАМА

Более 200 тыс. наименований книг
Электронные книги и ридеры
Антиквариат и предметы
коллекционирования
**Подарочные
карты**
Канцелярские и офисные товары

Услуги по формированию
библиотек и коллекций
Фильмы, музыка, игры, софт
Интернет-магазин
www.bgshop.ru
Корпоративные подарки
Подарочная упаковка

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Детский клуб «Библиоша»

Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1 (495) 781-19-00
www.biblio-globus.ru

НАЗОВИ ПАРОЛЬ «Библио-Глобус» - Ваш главный книжный» (зал №6, стойка информации) и получи клубную (дисконтную) карту

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр Воловик
«Слово за слово»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

У Александра Иосифовича Воловика — отличный звуко-ряд-шелкопряд. Иногда он «балуется» сочинением чисто звуковых стихотворений. Подчас они звучат, как палиндромы — странно, многогласно, с потаенным смыслом. Слух Александра музыкален, это заметно и в стихотворениях другого плана, где звукопись не является «целью творения». Это очень важное качество для любого настоящего поэта. Остается всего ничего — соединить звук со смыслом.

* * *

Купола залатала игла, как могла.
Углеглазая мгла за углами легла.
Повезло, и зело узколюбое зло
Узловатым козлом за излом уползло.

* * *

Не будь добра до брака,
но в браке, будь добра,
добудь под брагу рака
да против мрака бра.

Александр Воловик — постмодернист, но с «левым уклоном» — к еретической простоте. Его стихи плотны, строка хорошо, по-современному, спрессована, при этом у поэта отсутствует цель затуманить или завуалировать смысл стихов, писать, так сказать, «поверх смысла». У Александра Воловика — замечательное чувство юмора, самоирония, доходящая до гротеска:

Мемориал еще закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Еще ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.
В квартире грязь не убрана, гори она огнем.
И дерево не срублено над знаменитым пнем.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет бред рифмованный,
который массам чужд).

«Слово за слово» — книга избранной лирики. Но, поскольку у Александра Воловика найдется не одна сотня очень достойных стихов, я подозреваю, что он может набрать еще, как минимум, с десяток подобных «избранных». Остроумных, ритмичных, с неприменным обыгрыванием идиом, с самой что ни на есть современной лексикой. Сразу видно: это — поэт XXI века. Пользуясь личным знакомством с автором, я решил у него поинтересоваться, где же все-таки правильно ставить ударение в названии книги — «Слово за слово» или «Слово за слОво»? Александр Воловик сказал, что первоначально предполагал «Слово за слОво». Но он отнюдь не расстроен, что обнаружился и другой смысл.

Все и кончается Словом. Играя
звуком и буквой на эле и добре,
тысячелетье какое — не знаю
там кувыркается в вашем дворе.

Александр КАРПЕНКО

Владимир Мазья
**«Приключения Большой Коровы,
девочки Эвы, агента 007 и их друзей»**

М.: «Комментарии», 2014

Читаю сказки современных писателей для детей и подростков и думаю: всем они вроде бы хороши, да вот не захватывают меня так, как в отрочестве захватывали сказки и сказочные повести Александра Волкова, Вениамина Каверина, Эдуарда Успенского, Александра Некрасова.

Чем это объяснить? Кто-то изменился! Либо я выросла и уже не могу безоглядно «утонуть» в сказке? Либо современные сказочники сочиняют и пишут не так, как их предшественники?

Владимир Мазья — человек серьезный: ученый, математик, член Шведской, Грузинской и Шотландской Академий Наук, лауреат Золотой медали Цельсия и нескольких международных премий. Книга его сказок о Большой Корове посвящается внучке Эве. Скорее всего, с внучки и списан обаятельный персонаж Эвы. Себя автор вводит в повествование в качестве персонажа Деда Вовы. Сказка начинается со вступительного слова Деда Вовы, убеждающего читателей: «О приключениях, описываемых далее, я узнал от самих героев этой книжки. Мне даже довелось стать свидетелем некоторых увлекательных происшествий, так что, как сказал поэт, «и я там был...».

Мировая литература знает математика, развлекавшего сказками соседских детей и поместившего девочку Алису в невероятную реальность — ее приключения в Стране Чудес и Зазеркалье вошли в сокровищницу сказок, которые читают и взрослые, и дети вот уж скоро два столетия. Не исключено, что Владимир Мазья собирался повторить писательский подвиг Льюиса Кэрролла. Недаром в послесловии к своей книге он пишет: «Все сочиненные мною сказки предназначены для людей любого возраста. Будьте уверены: до одного не дойдет из них одно, а до другого — другое, но трудно себе представить ребенка или взрослого, который бы абсолютно ничего не понял. Впрочем, и ему мои сказки повредить не смогут».

О «Приключениях Большой Коровы...» как о «вредном» чтении невозможно говорить. Это цепь сказочных историй, связанных друг с другом весьма ловко и местами даже парадоксально, в основе которых классический расклад победы добра над злом и классическое назидание, что умным, добрым, честным быть лучше, чем злым, жадным и к тому же глупым. Помимо глобальных истин, Владимир Мазья не жалеет мелких практических наставлений. Скажем, Эва объясняет Большой Корове, как плавать кролем: «И стала показывать, как ногами дрыгать и в воду выдох делать. А что вдыхать воду не следует, Корова и сама догадалась». Судя по этим советам, книга о Большой Корове все-таки предназначена детям больше, чем взрослым. Да и все сюжетные линии достаточно наивны — в хорошем смысле слова — чтобы «работать» как кэрролловский абсурд, в котором дети видят нагромождение чудес,

а взрослые — зашифрованную мудрость. Даже элементы «ненаучной фантастики» — полет Большой Коровы на Теплую Звезду, где живут «рогалики», или рогатые аборигены, или захват летающей тарелки тех же рогаликов тремя землянами, мелкими негодьями и ворами, которых удачно зовут Вилли, Кобра Ивановна и Очкарик — описаны в совершенно «детской» системе ценностей и понятий. Даже похождения бесстрашного Агента 007, неожиданно воплощенного в образе котенка-сироты, впоследствии нашедшего свою маму, не столько «криминальны», сколько умиленны, а преступления, которые он раскрывает, скорее нелепицы вроде «пропажи» любимой болонки, закатанной в ковер. А самое страшное преступление, которое совершают Вилли и Кобра Ивановна против Большой Коровы, состоит в том, что они привязывают ее к лавке и на ее глазах уписывают за обе щеки сытные и вкусные обеды.

Иными словами, книга Владимира Мазьи по духу очень «детская» — никакой в ней жестокости, никаких травмирующих неокрепшую душу элементов, все несчастья описаны лишь для того, чтобы счастливо завершиться. Это совершенно правильно — нагреваться дети и в реальности, увы, успеют.

Но на этом фоне «выпирают» элементы повествования, рассчитанные не на детей, а на взрослых. В книге Владимира Мазьи слишком много информации, которую дети просто не поймут без долгих объяснений. Это аллюзии к советскому прошлому — инопланетянин с красным галстуком на шее рапортует Большой Корове: «Товарищ Председатель Совета Отряда Парнокопытных, КУШАТЬ ПОДАНО!» — и «советским» (либо антисоветским, с какой стороны посмотреть) книгам: «Академия Наук и Искусств Теплой Звезды избрала ее инопланетным членом» (практически цитата из «Компромисса» Довлатова); «Все на свете имеет конец, — отметил в «Легенде о Данко» великий пролетарский писатель Максим Горький». Великие пролетарские писатели Уайльд и Шиллер тоже встречаются в тексте, как и строка «Свеча горела на столе... Свеча горела», как и формулы Альберта Эйнштейна. А пушкинское «и я там был» в зачине? А герой 007? Должно быть, Владимир Мазья обращается к детям из образованных семей. Но аллюзии лишь мешают сказке.

Автор только запутывает читателя, сообщая в послесловии: «Чуть не забыл: к сообщаемым мной... сведениям прошу относиться с полным недоверием. Все они — самая настоящая чепуха — продукт авторского воображения». Многовато полезной информации для «настоящей чепухи!» «Чепуха» затесалась лишь там, где писателя Булгакова, тоже зачем-то процитированного, автор именует Михаилом Александровичем.

Елена САФРОНОВА

КНИГИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

Евгений Степанов**«Как похудеть на 35 килограммов»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Вы замечали, как тяжело рассказывать иностранцам русские советские анекдоты?..

На одном культурном сейшне артист рассказал гражданину современной Литвы анекдот, который при Брежневе был политическим: как синхронно умерли грешники в США и СССР, были направлены в ад, сидеть в бочках с дерьмом, но могли выбрать преисподнюю — капиталистическую или социалистическую. В социалистическом дерьме полагалось на душу вдвое больше... но на практике наш человек выиграл, потому что в один день его «не завезли», в другой — с ведрами перебои, и так до бесконечности.

Литовец, образованный человек не первой молодости, казалось бы, помнящий жизнь в СССР, не мог понять, почему все кругом хохочут. Ему и так, и эдак объясняли, хотя глупое дело — растолковывать анекдоты... А он недоуменно разводил руками: «Над чем же вы смеетесь?! Это же халатность!».

Над собой смеемся! — надо было ответить ему бессмертной фразой.

Такова и книга «невыдуманных рассказов» Евгения Степанова «Как похудеть на 35 килограммов». Этот сборник имеет прямое родство с книгой рассказов Ольги Любимовой «На Ильинке» — он тоже «плоть от плоти» нашей житухи и тоже «требует перевода» для читателя молодого, неискушенного либо возвращенного иной культурой и социумом. Многие рассказы построены именно на несходстве ментальности русского человека и граждан «из другого мира». Таковы истории о знакомстве автора с американцем Бобом и их «перекрестном» гостевании — то Боб в Москве, то герой-рассказчик в Америке, а квинтэссенция — фраза, которой начал Боб репортаж по возвращении из России: «Господи, какое счастье, что я родился в Америке!».

Для «нашего человека» это смешная книга, несмотря на подчеркнутую реальность всех вошедших в нее происшествий — или, напротив, благодаря ей? Приемы, которые автор использует — например, житье-бытье коммуналки в центре Москвы, где, путая день с ночью, гуляет толпа соседей-алкоголиков, а рассказчик пытается из последних сил работать (но порой и ему, несмотря на политику «невмешательства», приходится браться за топор), — выглядят гротеском.

Но мы же понимаем, что это никакой не гротеск! Наоборот, если тут и была корректировка реальности, то в сторону большей «невинности» книжных страниц...

Впрочем, не только будни маргиналов в неприкрашенном изложении Степанова выглядят парадоксально и порождают гомерический хохот. Культурная и творческая интеллигенция России, оказывается, не отстает от обитателей социального дна. Наоборот — она их порой опережает. Конечно, ведь это мозговая элита нации, а не спившийся обыватель! — или, выражаясь языком одного из них, Славика, директора по связям с общественностью в некоей таинственной структуре, «не ежик».

«Зашел к нам какой-то бизнесмен, директор фирмы, попросил скидки на фирменные наши издания...

А Славик в ответ:

— Я в бизнесе пять лет (иногда он говорил — восемь! — Е. С.). Я вам не ежик. Знаю все законы. Вот вы хотите скидку. А ведь это неправильно. Это чересчур».

Чем чаще человек повторяет, как заклинание, «я вам не ежик», тем значимее он становится, кажется ему. Ну, разве можно такую коллизию перевести на любой другой язык мира? На любую другую культуру? Начиная со слова «ежик»?

В «невыдуманных рассказах» герой, альтер эго автора, не щадит и себя, откровенно рассказывая и про свои встречи и разлуки с женщинами (женщины ему попадались нестандартные, прямо скажем!), и про то, как приспособившись к тем или иным работам... Но если язык любовного приключения, как правило, интернационален, вкупе с понятиями «странных любви», то «культурная деятельность по-русски» тоже готовый, но непередаваемый анекдот. Особенно анекдотичен и «самокритичен» в отношении сегодняшней российской литературы «Рассказ-судьба», начинающийся со слов:

«Раньше я был проституткой. То есть — журналистом. Теперь я — хозяин публичного дома. То есть — издатель и главный редактор газеты».

В рассказе фигурирует бывший одноклассник «хозяина публичного дома» Серёга Лупиков, «реальный олигарх», которому показалось мало нефти и строительства, и он «как на грех, стал писать». И возжелал печатать свои рассказы через издания однокашника. А тот, будучи человеком ответственным, не только их публиковал, но и подводил под них теоретическую базу. И с этой целью пригласил на встречу с писателем в дорожный ресторан аспиранта РГГУ, каковому пообещал за статью 10 тысяч рублей. Поначалу аспирант смущался роскоши и порывался заказать только чай, по своим доходам... Но, десять минут послушав писателя Серёгу, убежденного, что Шукшин, Улицкая и Аксёнов жизни не знали и писать о ней не умели, аспирант показал, на что способна голодная интеллигенция:

«А Володя встал. И сказал нечто ужасное.

— А ведь ваши рассказы, господин Лупиков, бездарны. Никакой судьбы тут нет. И писать я о вас не буду. Вот, Евгений Викторович, тысяча рублей за еду. Извините, я должен идти».

Обхохочешься! Над собой смеемся. Слава Богу, еще не разучились!

Елена САФРОНОВА

Евгений Степанов. Монография на румынском

В издательстве Ясского университета «Тиро Moldova» (Румыния) вышла монография Евгения Степанова «Некоторые тенденции развития современной русской поэзии середины XX — начала XXI веков» на румынском языке. Это фундаментальная работа, посвященная тенденциям поэтического искусства в России. За свои литературоведческие труды Евгений Степанов удостоен звания лауреата ведущей российской литературной премии им. А. Дельвига. Перевод выполнил известный поэт и литературовед Лео Бутнару.

В книге — статьи о современной поэзии, посвященные моностиху, дистиху, терцету, катрену, пятистишию, восьмистишиям, сонету, визуальной поэзии, частушке, верлибру, палиндрому, футуристической и заумной поэзии, эпиграмме, пародии, видеопоезии, лингвобеленам, листовертням, танкеткам, цифровой поэзии, twitter-поэзии, современной и несвременной рифме, метафоре, метаметафоре, метаболе, анжанбеману, анафоре. Книга будет интересна и профессионалам, и любителям поэзии.

Автор — лауреат крупнейшей отечественной премии им. Антона Дельвига

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Людмила Колодяжная «Отражением в глазах застыть...»

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

«Глаукома» — «мглаукола» — пожалуй, лучшая находка Людмилы Колодяжной, анаграмма, определившая суть, смысл и посыл ее очередной книги стихов «Отражением в глазах застыть...».

Среди 25 книг Людмилы Колодяжной, о которых упомянуто в аннотации, «Отражением в глазах застыть...» стоит особняком. Почему — доходчиво объясняет введение «От автора»: «Нас всех подстерегает случай...» Так звучит строка одного из начальных стихотворений этой книги. Мне всегда казалось, что если — заниматься спортом, обливаясь каждый день ледяной водой — то можно избежать роковых болезней. Оказалось, что это не так. Что есть еще болезни, которые человек — не победил. Это — глаукома, неизлечимая пока болезнь глаз, грозящая полной слепотой».

Людмила Колодяжная открыто признается, что провела в глазной больнице 10 дней и горько каламбурит, что они «Перевернули мой мир» — и что ее книга «Отражением в глазах застыть...» о лечении и прозрении. Но эти понятия для Людмилы Колодяжной не только медицинские. Она проводит параллели с примерами исцеления от слепоты, данными в Библии. «Вообще — слепоте и прозрению (чаще духовному) посвящено множество сюжетов — как в Библии, так и во всемирной литературе — прозрение духовное после слепоты апостола Павла, слова Сент-Экзюпери — о том, что «зорко только сердце...».

Вступление со стороны смотрится выпендренным, но Людмиле Колодяжной после пережитого, скорее всего, оно казалось искренним и заслуживающим именно таких «нерядовых» слов.

Автор постаралась выстроить концепцию книги соответственно заявленной в предисловии логической цепочке: глаз — орган зрения — душа — орган прозрения — прозреет лишь тот, кто был слеп. Стихотворения в сборнике сгруппированы в три главы, название каждой главы (как и тексты практически всех стихов) содержат «ключевые» слова этой концепции: «Зорко лишь только сердце», «Ангел смотрит взглядом звездным», «Озера глаз твоих осенних». И та же линия прозрения проводится сквозь все стихи книги, с тематическими вариациями: прозрение физическое — избавле-

ние от глаукомы, прозрение духовное — обращение к вере, прозрение женское — обретение любви как осознанного и одухотворенного чувства. «Глаз/глаза», «взгляд», «свет», «луч» — «опорные» лексические точки, что, однако, «приедается» к финалу.

По мне, наиболее выразительны и гармоничны стихи, что связаны с пребыванием в больнице. Или стихотворение с эпиграфом из Ахматовой: «Я была тогда с моим народом...»:

Я здесь была, с моим народом,
где мой народ в больницах стыл...

Среди старух в худых халатах,
забытых, без друзей, родных,
в больничных — без удобств палатах,
рассчитанных на дестерых.

Уйти от тьмы — еще нет средства,
полна больница, как вокзал...
Здесь знают — «зорко только сердце»,
как Сент-Экзюпери сказал.

В этих строках, при всей их наивной «переживательности», есть элемент, что делает стихи поэзией: уникальностью авторского взгляда, собственный голос, рассказ о пережитом без вымысла. Тогда как стихи о приобщении к вере и о любовных перипетиях, хоть они тоже непосредственные переживания автора, кажутся стереотипными, лишены оригинальности.

Не обошлось и без других недостатков. Прежде всего, бросается в глаза обилие цитат из других авторов, не всегда и обозначенных. Возможно, это «профессиональные издержки» кандидата филологических наук. Скажем, стихотворение «Отдавшая жизнь за последний взгляд» с подзаголовком «Лотова жена» — практически мегацелостное стихотворение Ахматовой «Лотова жена» — и даже заключительная его строка с одним «исправлением» становится названием аналогичного стихотворения у Колодяжной. Та же история с закавыченной цитатой «Ничего уже не жаль ничуть» в стихотворении «Взгляд из глубины икон...», где заодно фигурируют «кремнистый путь» и «Лермонтова слово, как закон». Да и «жизнь, непостижная уму» переключается с классической пушкинской строчкой «одно виденье, непостижное уму». Также Людмила Колодяжная позволяет себе рискованные стилистические эксперименты: изменение ударений в угоду ритму: «Пусть от дыхания дверь отворится» или «Вводится царственно Д'евица в Ерусалимский храм», или просторечное «дестерых». Или тяжеловесные сочетания слов, отнюдь не столь удачные, как «мглаукола» — «узри узоры», «птиц цитаты», да и «взглядом звездным» «лязгает» при произнесении, точно поезд на стыках рельс. На мой взгляд, это недочеты стихотворения, которые болезненность темы не оправдывает. Наоборот — они идут с ней вразрез.

Елена САФРОНОВА

Дубравка Ораич Толич «Хлебников и авангард»

М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Имя Дубравки Ораич Толич, хорватской исследовательницы литературы и культуры, до сих пор было мне незнакомо. Знакомство началось с томика «Хлебников и авангард» — весьма солидной работы, дающей представление не только о предмете изысканий — литературном авангарде XX века, но и о незаурядности натуры ее автора.

Как объяснила Дубравка Ораич Толич в предисловии, это сборник ее научных статей, написанных в разные годы для проекта «Понятийник русского авангарда» и впоследствии переведенных на русский язык для журнала Russian Literature. Автор оговаривается, что некоторые статьи вышли в других изданиях, и отмечает, что заключительная статья вошедшего в книгу цикла о русском авангарде впервые публикуется на русском языке. Иными словами, для большинства российских читателей, даже профессионально занимающихся литературой, книга Дубравки Ораич Толич «Хлебников и авангард» — первое знакомство с комплексом ее взглядов на этот воистину безграничный феномен.

«Мировоззрение» Дубравки Ораич Толич открывает статья «Авангард как утопическая культура», где она перечисляет исходные положения данной работы (судя по всему, они же — исходные положения ее подхода к авангарду в принципе):

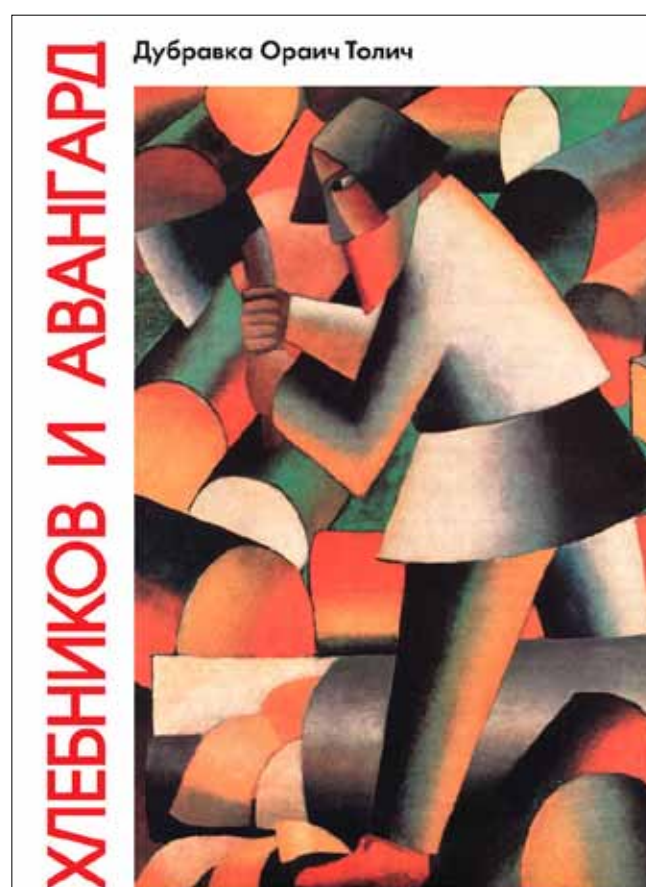
«1. понимание утопии в самом широком смысле как универсального способа мышления и выражения;

2. понимание авангарда как исторической утопической культуры;

3. понимание русского авангарда как центрального национального авангарда, в котором утопическое мышление и выражение нашли идеальное воплощение в двух категориально различных и трагически связанных областях: в искусстве (1910-е и 1920-е годы) и в политике (с 1930-х годов и далее);

4. понимание Велимира Хлебникова как центрального утопического поэта русского и европейского художественного авангарда».

Перед нами весьма четко структурированная иерархия понятий, охватывающая круг вопросов, связанных с изучением литературного авангарда, при том, что позиция автора в каких-то элементах может показаться даже экзотической — скажем, в «сопряжении» авангарда и утопии. Дубравка Ораич Толич обосновывает именно эту логическую связь, как она ей представляется: «Понятие утопии принципиально может быть воспринято двумя основными способами: как философско-литературный

жанр, в котором изображается идеальное общество, и как способ мышления и выражения, одним из архетипов которого является идеальное общество...». Второй посыл исследовательницы и развивает в статье, отталкиваясь от того, что ранее ментальная и семиотическая типология была бинарной, основанной на двух типах мышления и выражения — «конкретное» и «абстрактное», «мифическое» и «логическое», «дикое» и «цивилизованное», «языковое» и «алгебраическое» и т.п. — но «Появление таких поэтов, как Хлебников, и таких культур, как авангард, заставляет нас оставить классическую бинарную типологию и предположить существование третьего основного ментального и семиотического типа». Этот тип Дубравка Ораич Толич и зовет утопическим.

Из такого введения в тему можно сделать резонный вывод, что понимание хорватским культурологом литературного авангарда восходит к некоей метафизике, чуть ли не системе верований. Для нее это очевидно, и она увлеченно

описывает эту метафизику, опираясь на цитаты из классиков русского авангарда — знаменитые «Дыр бул щыл...», «Бобзоби...» и множество других строк. Любопытен «перевод» «Бобзоби» с языка звукописи на язык цветописи на основании статьи Хлебникова 1919 года «Художники мира» и обретение в итоге изображения: «белое женское лицо с красными губами, зеленовато-голубыми глазами, с золотым ожерельем на шее». Автор считает, что Хлебников этот портрет «прямо показывает... с помощью древних или новых, только ему известных значений, обоснованных в собственном онтологическом семантическом коде», — то есть откровенно говорит о том, что покойный поэт владел тайным знанием. В этом контексте и строятся все статьи Дубравки Ораич Толич. Следом за Хлебниковым, она использует в собственных текстах расчеты, таблицы с парадоксальными значениями и даже графические «чертежи» и факсимиле, ищет профетические функции в его поэтике. В конце научной части книги уверенность исследовательницы в метафизических талантах Хлебникова становится незыблемой: «Поэзия Хлебникова является «эффектом бабочки», идущим из фольклорного и мифического мышления и движущимся к науке и теории детерминированного хаоса... Меня потрясло в Хлебникове то, что еще больше потрясает и сейчас. Это не адекватность слов и мира и не точность его пророчеств. Это колебания между языком и действительностью, мифом и логосом, поэзией и наукой». Она считает, что «интуиция и игра являются предпосылками научных открытий». В целом позиция такая имеет право на существование, особенно когда она аргументирована так, как аргументирует ее Дубравка Ораич Толич, но нельзя не отметить определенную «фантазийность» этой теории.

Завершает книгу поэма Дубравки Ораич Толич «Палиндромный апокалипсис», что смотрится странно — научные труды не сопровождаются художественными произведениями. Автор находит эклектике объяснение: «Поэма включена в книгу о Хлебникове, поскольку вдохновлена хлебниковской формой палиндрома». В названии поэмы указан 1991 — единственный палиндромный год XX века, а содержание ее вполне соответствует той тревожной эпохе. Но увы — публикация этой поэмы на русском языке (перевод Радомир Вентурин) лишь подчеркивает то, с чем Дубравка Ораич Толич столкнулась, когда не смогла перевести на хорватский поэму Хлебникова «Разин». Ее поэма тоже читается как палиндром лишь по-хорватски. По-русски ту же игру слов соблюсти невозможно. Кстати, на мой взгляд, в этой объективной особенности сокрыта «слабость» палиндрома как поэтического жанра.

Елена САФРОНОВА

ПОЛОСА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПОЭТУ, УЧИТЕЛЮ, НАЧАЛЬНИКУ Управления по защите прав и законных интересов несовершеннолетних Уполномоченному по правам ребенка в г. Москве Е. А. БУНИМОВИЧУ от Союза литераторов России

Уважаемый Евгений Абрамович!

Просим Вас помочь детям из детского дома, оказавшимся в тяжелой ситуации. Крепостное право, как мы хорошо помним, в России отменили в 1861 году, в некоторых местностях это произошло даже раньше. А в некоторых наших учреждениях, да еще и связанных с судьбами детей, крепостное право сохраняется до сих пор. Как иначе назвать то, что сейчас происходит в детском доме № 39.

Дети были отправлены на летний отдых, а в это время в детдом приходят списки, по которым эти дети, сразу после отдыха, распределяются по другим детдомам. А ведь детский дом № 39 — один из лучших и старейших детских домов, в котором дети называют своих воспитателей мамочками, что соответствует характеру взаимоотношений в годах складывающихся семьях — воспитательных группах. Дети, естественно, не хотят отсюда уезжать, а уникальный и целительный для детей-подражков климат этого детского дома может быть разрушен.

Возникает естественный вопрос: кому же эта бесчеловечная акция так необходима и ради чего? Хотелось бы узнать не название учреждения — оно известно, а именно фамилии тех чиновников, которые это стараются осуществить. Великий русский поэт Николай Некрасов в «Современной оде» иронически писал о подобных людях: «Не обидишь ты даром и гадины/ Ты помочь и злодею готов./ И червонцы твои не украдены/ У сирот беззащитных и вдов...». Что бы мы с вами почувствовали, если бы наших собственных детей «перетасовали» по другим семьям, а нам бы прислали детей из других семей? Или: с нашими — нельзя, а с детдомовскими, безответными, все можно?!

Как пишут из вышестоящей инстанции, детский дом № 39 будет продолжать свою работу. Тогда зачем над детьми так измываться? Среди них есть и литературно одаренные дети, которым наша творческая организация будет помогать с публикациями.

Союз литераторов России обращается с просьбой о защите прав несовершеннолетних россиян, воспитанников детского дома № 39, от произвола чиновников.

Сопредседатель Союза литераторов России, поэт, поэт-переводчик Д. Ю. ЦЕСЕЛЬЧУК

1 секретарь правления Союза литераторов, публицист Н. В. ДАВЫДОВА

Иван САХНОВ, детдом № 39, 4 класс

Игумен Земли Русской

В Ростове родился отрок,
Златые кудри,
Голубые очи.
Он в храме часто пропадал,
Родителей своих он почитал,
Но вот беда:
Не мог Вархушка складывать слова.
Насмешки были от друзей,
Наказания от учителей.
Однажды пас он лошадей
Среди дубрав, среди полей.
Любовался озерами небес,
Зеленым морем трав,
Букашки ползали,
Кузнечик стрекотал.
Вдруг старец пред ним предстал:
Лик ясный, дивны очи.
Молился старец горячо,
Уста шептали неустанно.
Худые, высохшие руки тянулись к небу.
Вархушка замер,
Залился слезами.
О, отче, мне ученье не дается,
О, отче, сжался надо мною,
Молитвою твоей святою
Воздай ты славу Богу.
С любовью Господу молились,
И Бог услышал их слова.
Мальчишка старца в дом позвал.
Родителей своих представил.
И вдруг перед трапезой монах велел
читать псалтыри,
У отрока испуг, смущенье, но книгу взял!
И к удивленью, легко псалмы вдруг прочитал.

* * *

Кто хочет хорошо учиться,
Тот должен Богу помолиться.
Жить с чистым сердцем и душой,
И Верой в Господа большой!

* * *

А старец тайну всем поведал,
Что отроку Великим быть.
Пророчество сказав,
Старик, как облако, рассеялся вдали.
Все поняли, затрепетали,
Что Ангел Божий был пред ними.

Шли годы. Слава отрока росла.
Храм Троицкий воздвиг он.
И стал Игуменом Руси,
Да Сергием в народе нарекли.
Наш Сергей все молился о Руси,
Стонала Родина, текли кровавы реки.
Бились русские богатыри
С копьем, с мечом, в доспехах
За Русь Святую, за Православие,
за люд христианский.

А Сергей молитвою святой
На битву в поле Куликовом
Благословил Донского,
Победу Дмитрию предрек.
Потомки чтят в веках Святого!

Радуйся, отроче Варфоломея,
Богом данным нам на спасенье!

Клуб веселых читателей

НОВАЯ КНИГА БОРИСА ЯКУБОВИЧА

В середине лета при поддержке Союза литераторов России вышла весьма объемная работа Бориса Якубовича «ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ», написанная в уже опробованном автором жанре хронологической реконструкции.

Историю принято измерять временем. Тот или иной факт признается историческим, если его координаты определены не только в пространстве, но и в четвертом измерении, т. е. во времени. И именно хронология позволяет установить временные промежутки между строго дати-

рованными историческими фактами — своеобразными реперами на шкале различных эпох.

Используя метод хронологической реконструкции, автор воссоздает живые картины таких разных эпох и ареалов, как мифологическая Греция, мифологический царский Рим, а также двухтысячелетняя мифо-история Ветхого Завета.

В книгу включено свыше 130 родословных схем и многочисленных генеалогических таблицы, большинство из которых являются абсолютно эксклюзивными.

Оксана ШАРУН

КОШКИНА МЕЧТА

Мечтала кошка быть тигрицей,
Свободной, дикой и бесстрашной,
Однажды во дворе явиться,
Чтоб всем собакам стало страшно.
Не прозябать жизнью бродячей,
Не подбирать рыбных остатков,
Мурча несчастно по-кошачьи,
А добывать еду в достатке.
Обедать только свежим мясом,
Инстинкт охоты проявить,
Быть настоящим хищным ассом,
А не простых мышей ловить.
На солнце грелась и мечтала,
Себе мурлыкая под нос,
Какая жизнь тогда б настала!
Но все испортил лаем пес.

Вячеслав СЫСОЕВ

* * *

Замри и не дыши
В саду уснувшем.
В густой ночной тиши
Кукушку слушай.

Поет иль счет ведет —
Тоскливы звуки.
Боюсь, замрет вот-вот —
И стынут руки.

* * *

На исходе июль
и жара,
Стало пахнуть укропом и медом.
Как вчера
и сегодня с утра
Ветер гладит ботву в огороде.
Солнце точно всплывает в зенит,
Ненадолго.
Кончается лето.
Воздух так напряженно звенит,
Словно песня жары не допета.

* * *

До последнего вздоха,
Не во сне, наяву,
Как бы ни было плохо, —
Счастьем жизнь назову!
Жить по-новому поздно.
И мучение — жизнь...
Я мечтаю о звездах,
Даже падая вниз.

ПОЛОСА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Дебют

Неля СЕМИРЕЧКИНА,
г. Орёл

Родилась 28 мая 1989 года. В 2009 году окончила с отличием Болховский педагогический колледж и поступила в Орловский Государственный университет. В данный момент обучаюсь на художественно-графическом факультете заочно. Пишу с 8 лет. Пробую себя в разных жанрах и стилях. Творчество считаю способом постижения мира и духовного с ним воссоединения. Поклонница творчества А. Блока, А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

НОВОЯЗ

Речь – обескровлена,
речь – обезмолвлена.
Вертел души над углем.
Век обезличенных слов (обесловленных):
Мысли ложатся – нулем.

Лес – убаюканный мерными стуками
(Свылся давно с топором);
Сыплются стружки мукою – и с муками
Лягут под слогосодом.

Буквы забытые... образы смытые...
С Богом истлевшая связь...
Смыслы сокрытые (тайны санскритовы)
Выгрыз, как червь, новояз.

* * *

Когда разломанное солнце
Глядит в полглаза, полумрак
Как песня тихая, крадется,
Луну выманивая так.

И в небесах сначала робко
На самой синей из равнин,
Едва покажется головка,
Висок откроется один.

Когда ж сползающее веко
Покроет солнца алый глаз,
Луна вся выглянет в сей раз,
Играя звездным фейерверком.

Но по магическим ступеням
К утру она в туман сойдет.
А мне одно – считать мгновенья:
С земли – светил круговорот.

* * *

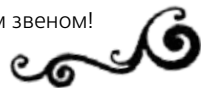
Как под осень рябины рябили,
Так рябили в глазах у воды,
Что кругами пылали и плыли –
Злато-буро-червлено-гнеды.

Серебро как зимою взимали,
Сокращали снегов закрома;
В колпаке серо-желтой эмали
Без метели зевала зима.

Как весной оплетали цветами
Духи яблонь стыдливую кисть,
Лепестками во сне лепетали,
На дорогу душисто лились.

Как по-летнему густо-густое
Травяное гудело вино.

Как художник связует собою
Времена – чудотворным звеном!

Арсен МЕЛИТОНЯН

ВЕЧЕР В МАСТЕРСКОЙ
(богема)

...людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее
составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то
психологические щиты, чтобы укрыться за ними.
К. Саймак, «Кольцо вокруг Солнца»

Откровения тесных пространств,
Рассуждения спяну о жизни –
Наивечные из постояств
В неустроенной нашей Отчизне.

Крепость рухнула. Строится цирк.
Речь английская. Плачем по-русски.
В мышеловку засунутый сыр
Нам желанней всей прочей закуски.

Нескончаем словесный поток,
Водка льется в бездонные глотки,
То ли Запад мы, то ли Восток,
То ли олухи, то ль самородки...

ВЫБОР

Кажется, Платон советовал первым делом
чистить государство от поэтов...
генерал А. Лебедь

Не ускользнуть и никуда не скрыться,
От криков, пронизавших мир вокруг,
Я знал, что будет, пьесу видел в лицах,
Входя в манежа освещенный круг.

Свой скарб взвалив на взмыленную спину,
Бежал не раз от гончих и стрелков,

И как монах тибетский, из песчинок
Орнамент складывал... под ветром с облаков!

Упорен был в наивной детской вере
И шел вперед со лбом, разбитым в кровь,
Надежду хрупкую лелея в блеск Империй
Добавить истины. И... ошибался вновь.

Я поплатился. Всем, что мне сулила
Не раз благоволившая судьба,
Я пренебрег. Ушла былая сила,
Но завтра вновь продолжится борьба.

Раз выбран путь, я буду дальше биться...
Вот лишь бы на финал хватило сил!
Я не хочу быть только очевидцем,
Я не об этом Господа просил!..

Из необычайного. Год культуры. Поселок Светлый.
Фото Нины Давыдовой

Валентин КУКЛЕВ

* * *

Анна ми мати та ми манна
Анна пита мя мати панна
Анна дар и мне сень мира Данна
Величко, украинский поэт XVII века

Донна Анна, Дона Белла, Донна Беата,
Ты помнишь? Мы были с тобой здесь когда-то,
Но к тайным забытым вратам нет возврата.

А помнишь? Я вспомнить... когда – никак не могу.
Вот запах увядшей травы на промокшем лугу,
Вот вздохи уснувшей реки, тоскующий клен на другом берегу.

Я вижу в древних деревьях блужданье заката
И то, что звали тебя совсем не Анна и не Беата,
И облако ночи – стоит – заковано в светлые латы.

Свет вечерний с полусонных небес не спешил.
Там детство играло в муравьиной глуши
Вчера еще не рожденной (новой) души.

Донна Анна, Дона Белла, Донна Беата,
Ведь надо ж – сбылось, свершилось в когда-то,
И вздохи реки, и всхлипы у липы, как эти шорохи, святы.

Благослови, научи, нежная юная Донна,
Знаком законным, звездой креста Ориона,
Тихо звенящим в ночи непреклонно.

Свет не вечерний слетает с небес без последней надежды.
Вдруг снова увидел, как будто бы прежде:
Облако ночи предстало в светлой одежде.

МАНХЭТТЕН

Манхэттен, знаешь, теперь в Москве все носят кеги,
А на груди – с крестом большие позолоченные цепи.
Но зиму не поможет переждать тепло искусственного меха,
Когда сквозняк во мне живет, как медленное эхо...

Насквозь продует – станет не до смеха.
Он, как палач – хозяин эшафота.
Витринам скучно, но для глаз утеха.
Лежать у сердца было грустно твоим фото...
Ведь мы с тобой давно легли на мель.
Манхэттен, ты трижды показал мне цель
И смысл местного и личного успеха,
Свой путь к богатству и движенье к славе – вежу...
В тот жаркий день, чуть-чуть загнав меня, чуть не допив,
Манхэттен, зачем кому-то недолив, кому-то перелив?
Спустил меня на тротуар твой старый лифт,
И я пошел смотреть на вечер, на залив...

Не зная в точности и в наглости ночной пароль и кодекс...
Вверху воздушный шар крутил свой легкий Тодес...
Я, мрака не страшась, бандита, поехал в Бруклин,
на Манхэттен-Бич,
Туда, где так настырен козырь, где чья-то карта бита.
И там, купаясь, берег посылал призыв и клич...
И в сумраке ночном блестела темной кожей Афродита.

АВГУСТ

Это слезы дождя окропили
могучую крону.
И готовы к полету созревшие
первые листья.

Это август крадется,
августейшую сняв корону,
И пугает глухие дворы вороватой повадкой лисьей.

Я стою у окна и смотрю, как течет понедельник,
Как тревогу огней перекресток туманом и смогом завесил.
Только что-то напротив бормочет синеющий

контуром ельник –
С хрустом август оперся на спинки продавленных кресел.

Я же раньше не знал ни деревьев, ни листьев, ни хвои,
Я же раньше не помнил твоих поцелуев из слез.
Лето время ведет и меня будто бы под конвоем,
Чтоб, очнувшись потом, убежать направо и насквозь.

Тень и власть неподвижны, как римского папы тиара.
На чужих торжествах, что тебе чей-то апофеоз?...
А у августа губы в вишневой крови капилляров –
Память о поцелуях в глаза пыльных мчащихся гроз.

В день грозы молоко закисает, играют зарницы с закатом.
По оврагам, в жару почернев, сохнет, перезревая, малина.
Разъяренный от жалящих молний в зареве оплавляется атом...
Будет дождь моросить, и ты утром явишься, как Магдалина.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**Галина Щекина
«Астрофиллит»**

М.: «Вест-Консалтинг», 2011

Нельзя сказать, чтобы поэтесса Галина Щекина изъяснялась «простонародным» или намеренно разговорным языком, чтобы она играла и заигрывалась в показную «диалектологию». Но ее книга «Астрофиллит» вызывает у меня формулировку «простодушные стихи».

Это не литературоведческое, не оценочное и даже не критическое (порицающее) определение, и касается оно не столько формы стихотворного изложения автора, сколько содержания и концепции книги. Сборник стихов воспринимается как откровенный, «распахнутый настежь», исповедальный, несмотря на мудреное название. Загадочный астрофиллит — это поделочный камень, минерал астерикского типа (сложно-синтетический, «застывший» звездами), редко встречающийся в природе.

«Астрофиллит» — стихотворение Галины Щекиной, давшее название всей книге.

Он появился с бесшабашным другом
И оторвал меня от каши и посуды,
Принес потрепанных тетрадей груды,
Но чтение пошло сперва с натугой.
Я спотыкалась о понятия иные,
Библейских аналогий простоту.
Искал любви и правды, но не ту
Искал и все-таки уехал...
...Нырнувши тут, он вынырнул в Суоми.
...И вот, весенним схвачена дыханьем,
Поэту я отправила посылку,
Как брошенную в бедствие бутылку,
Закутанное осторожно в вату, обложенное ворохом бумаги,
Исполненное варварской отваги,
Искрящееся виноватым златом...
Чтоб этот темный камень, без огранки,
Игольчатое сумерек сиянье,
Будил, будил одно воспоминанье...

На примере этих строк видна поэтическая манера Галины Щекиной. По сути, это житейская история о том, как человек уехал за рубеж, помогая оставшимся в России друзьям, и одна из них в благодарность послала ему редкий минерал «для воспоминаний» — а затем горько раскаялась, что это несерьезная «отдарка». Меж тем астрофиллит, безусловно, обозначает здесь не только артефакт чьей-то молодости. Мне кажется, он своего рода символ — «не все то золото, что блестит». А может быть, строго наоборот: не все то ценно, что выгодно... Но в любом случае это стихотворение показательное для творчества Галины Щекиной. Как бы возвышенны, даже высокопарны ни были слова, они выражают будничные человеческие чувства, которые автор не считает нужным скрывать либо трансформировать в иносказания.

Сборник стихов Галины Щекиной состоит из трех частей: «Поиск», «Тщета», «Утешение». Концепт каждого раздела более или менее соответствует названию. Вторая состоит в основном из стихов-посвящений, потому мало понятна стороннему читателю. Первая часть — наиболее эмоциональна, женственна:

Люби — сказали мне, и я повиновалась.
Люби же, черт возьми... Но дай мне эту малость,
Которая — ничто и все одновременно.
Не будь ее совсем, но ведь была... Со всеми...

Губы, которые трогали плечи, виски.
Имя сквозь зубы.
Можно пропасть от немой непонятной тоски —
Как они грубы.
...Даром небес целование здесь и сейчас,
Жаром настурций —
Выпить любовь за один и единственный раз —
И разминуться.

Ау — тебе, роща из черного кружева,
Капли в зеркало вод.
Ау, одинокое юное мужество,
трусость наоборот.
...Ау, в черном кружеве лунное марево,
Свист нереальный в ночи.
И я ухожу. И глаза мои карие
Солоны и горячи.

В части «Поиск» особняком стоит стихотворение «Развалины», которое я бы назвала маленькой поэмой, поскольку его идейно-художественный замысел — «судьба»

разрушенной церкви, переплетающаяся с такими же «разрушенными» судьбами людей, живущих под сенью изуродованного храма — эту тесную ирреальную связь поэтесса рисует мастерски:

Она стояла, утонув в бурьяне,
Огонь крапивный полыхал по плечи,
И никого в округе окаянной,
И некому помочь ей, да и нечем...
Кричала молча церковь — глас в пустыне —
И купола ее чернила копать...
А перед нею женщина застыла —
Неволью перешедшая на шепот.
Печальный рот ворот зажат щеколдой,
Решеток ржавых сомкнуты ресницы.
Как может холод быть сильнее холода —
От тех, кто мог непрошено явиться?

Галина Щекина проводит явные параллели того, что вокруг изувеченной церкви творится всякое непотребство — женщина уходит из дома, не нужная своим родным, сходится с мужчиной, не рождает детей, зато желает мужу смерти, после его похорон сама «хворает с тех пор, да не телом», люди живут «чужие друг другу», а священник «лишь прощал любой грех немислимый» — с отношением к покинутому людьми храму.

«Видишь, церковь — не просто камень, / Чаша Духа Святого, она поможет» — но кому и каким образом, если все забыли о нематериальном, о вечном?.. Страшное, но удавшееся с литературной точки зрения стихотворение. С ним перекликается первое стихотворение в третьей части книги — «Утешение» — стихотворение без названия:

Сиреневый рассвет для медитаций,
И звон воды, и холодность сосуда,
И следует смотреть, но не касаться
Того, что зарождается покуда...
...Где золото рассветного напитка
Сердитой синевою тебя остудит.
Сладка ошеломительная пытка —
Касания небес страшатся люди.

Здесь Галина Щекина отвечает на риторический вопрос, как так вышло, что и храмы в русских деревнях заброшены, и, что страшнее, в русских душах внутренние «храмы» порушены либо загажены. В целом же в части «Утешение», несмотря на то, что название как будто подсказывает, нет ни одного «духовного» стихотворения. Утешением поэтессе служат природа («Стоит же мне захотеть — и накроет забвение сада»), капризы погоды, в которых она умеет находить привлекательность, цветы, ягоды, простые домашние радости и сладкие мгновенья бытия:

И подводной струей, и воздушной волною над ней
Век покажется бархатно-сладок.
Это дно полосатое быстрых и солнечных дней
Сохранит озорной отпечаток.

Елена САФРОНОВА

РЕКЛАМА

Реклама в газете**«Литературные известия».****Вас прочтут в 75 странах мира!****Мы ждем Ваших звонков****по тел.: (495) 978-62-75**

РЕКЛАМА

УНИКАЛЬНАЯ КНИГА О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Просто о сложном!
Проблемные статьи о поэзии,
изложенные доступно

- * строфика
- * жанры
- * рифма
- * тропы и фигуры
- * незамеченные классики
 - * «шестидесятники»
 - * «полюса» великой Ленинградской плеяды
- * литературные группы и направления
- * вне групп и направлений
- * новые имена в поэзии
- * профетические особенности и функции русской поэзии
- * организация современного поэтического процесса

Такая книга
должна быть у каждого!

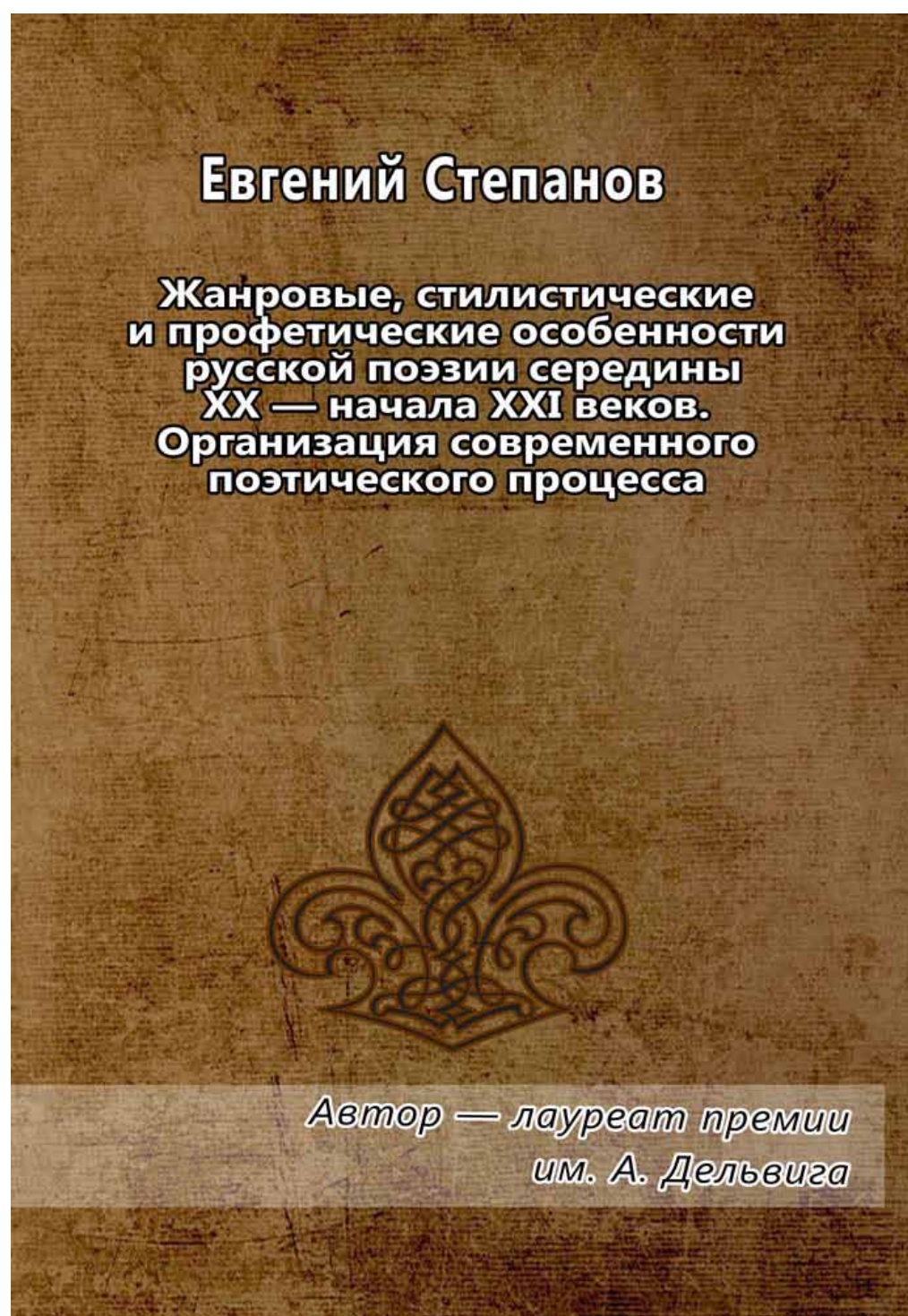

Многолетний опыт автора-исследователя, автора-практика, выпускника докторантуры кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ, на которой трудился М. Л. Гаспаров

Евгений Степанов

- * кандидат филологических наук
- * лауреат премии им. А. Дельвига за антологию «Жанры и строфы современной русской поэзии»
- * автор ряда бестселлеров, посвященных литературе во всех проявлениях

Покупайте книгу в крупнейших книжных магазинах Москвы
Справки по телефону: 8 (495) 9717925
e-mail: stepanovev@mail.ru
(приобретайте по ценам издательства!)

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Георгий Геннис
«Мрак отказавшей вещи»

М.: «Вест-Консалтинг», 2010

«Посмотрите на меня сверху вниз — и увидите дурака. Посмотрите на меня снизу вверх — и увидите господина. Посмотрите мне прямо в лицо — и увидите себя!»

Это говорит не один Чарльз Мэнсон — это говорит современная культура в целом, где любимые герои — Декстер, Лектер, а майки с принтами Джеффри Дамера сбываются «на ура». Эта же линия, в частности, проводится в поэзии Георгия Генниса.

Книга «Мрак отказавшей вещи», если привести цитату из нее же, — «анатомия сокровенных сплетений», оборотная сторона обыденности, обывательства, благополучия, к которым сегодня стремится даже художник, намеренно объявив завет о «трагедии» устаревшим. В таких случаях приходят они — Кроткер и Клюфф, Клеть и Сумерк, Флорина и Борх — противовес здравому смыслу, стремящемуся сегодня подчинить себе даже то, что неподвластно осмыслению.

Нечеловеческое — античеловеческое — творчество подобных персонажей (и вымышленных, и реальных) — это последний инстинктивный рывок искусства к жизни, «крайняя мера». «Жить как вы — вот преступление перед жизнью. Жизнь от таких отворачивается и посылает таких, как я» (Александр Пичушкин). И эти слова, к сожалению, сегодня обретают культурологический и социологический смысл, который, конечно, изначально в них не вкладывался.

В случае «Мрака отказавшей вещи» все не столь серьезно: перед нами сюр, абсурд, приправленный прекрасным юмором. И сама «отказавшая вещь» — мозг одного из главных героев, который «вышибло во время грозы». Но одновременно нет ничего реальнее этих иногда комичных, иногда фантастических, иногда вопиюще, отталкивающе натуралистичных зарисовок из ничьей иной, как нашей с вами жизни. Цитируя все того же Мэнсона: «Я таков, каким вы меня сде-

дали, и если вы называете меня бешеной собакой, дьяволом, убийцей, то учтите, что я — зеркальное отражение вашего общества».

Женщины Сумерка

Леня Сумерк всю жизнь осваивал женщин. Иногда они урчали от наслаждения, иногда вырастали в деревья, и Сумерк не мог приладиться как их вытащить из квартиры, чтобы выросшими ветвями не обрушить домашнюю обстановку. Оставалось неизбежное.

Сумерк вынимал из-под кровати топор и брался за дело. Слезы вылетали из глаз с каждым взмахом. Сумерк кончал рубку и кончал сам. Он рыдал в такт изливаемой сперме.

Теперь надо было сложить обрубки в мешки для мусора и привести себя в порядок.

Вынести женщину удавалось как правило в трех-четыре мешках за пару ходок не более, в зависимости от объема талии и раскидистости увлечений.

Это не поэтический сборник в обычном его понимании. Это отдельный, имеющий свою уникальную природу субъект литературы и не только ее одной. Книга Георгия Генниса не должна оставаться незамеченной и неизвестной широкому кругу по многим причинам: ее можно рассматривать с разных позиций — чисто эстетической, психологической, социологической — и со всех сторон это, несомненно, явление.

Мария МАЛИНОВСКАЯ

Дмитрий Мурзин
«Бенгальские огни»

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

В случае Дмитрия Мурзина не средства художественной выразительности делают поэзию — а она сама как бы выхватывается из повседневной жизни и, «живая», запечатлевается на бумаге. Для автора «Бенгальской воды» мы не читатели, а собеседники, соучастники — в одной большой человеческой жизни, такой разной и такой одновременно похожей в каждом конкретном случае.

Отдавая дань элементарному техническому уровню, автор не стремится к формальным изыскам — его метод иной, требующий подчас не меньшего мастерства и доступный далеко не каждому: естественно отобразить естественное — повседневную жизнь с ее неурядицами, ожиданиями, тревогами, радостями и характерными деталями. Иногда автор делает это с юмором, иногда — в серьезном тоне, но не покидает ощущение, что этот человек «говорит, как думает» и, наверное, в жизни, делает все то и так, как говорит. Впечатление честности, достигнутое языковыми средствами, которые, несомненно, имеют место в текстах — неприметные, порой работающие на снижение, но за счет этого и являющиеся характерными чертами авторской поэтики.

Как нахохлишься — сразу направо,
Загаси, положи на пенек,

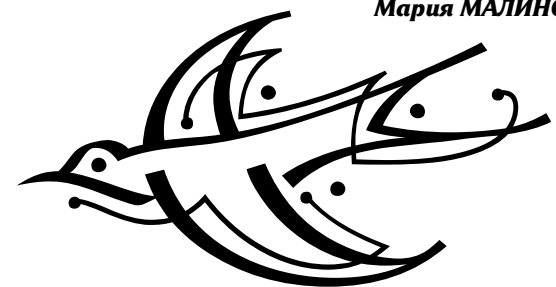

Как накроется слава, халява —
Пригодится бычок.

Все закончилось. Сточены лясы.
Хватит корчить придурка.
Ты вернулся напрасно.
Ни пенька. Ни окурка.

Эта книга — для широкого круга. В ней «найдет себя» как не особо искушенный любитель поэзии, так и вдумчивый эстет — считывая более глубокие смысловые пласты. Традиционная подача органична с содержанием, голос давно найден, перед нами креативно составленный (что видно даже по названиям разделов («Влажный остаток», «Новые стремна», «Рыбий жанр»), самодостаточный и многоплановый сборник.

Мария МАЛИНОВСКАЯ

Алексей Ткаченко-Гастев
«Рисунки на полях памяти»

М.: «Вест-Консалтинг», 2010

Творчество Алексея Ткаченко-Гастева выглядит интереснее всего, когда выходит за рамки традиции. Его верлибр (к примеру, «Она ходила в кружок при Эрмитаже...») имеет, как и многие образцы подобной поэзии, сходство с кинофильмами, через детали будничной жизни раскрывающими ее философскую глубину — и именно через это, а не через динамичный сюжет или диалоги сохраняющими внутреннее напряжение. Подобного в современной литературе много, даже чересчур. Но, с другой стороны, в случае поэтической удачи это всегда ценится читателем.

Бытует мнение, что хорошая живопись — это в каждом частном проявлении целый «свернутый» фильм — и одновременно развернутый основной сутью наружу. То же можно сказать о поэзии такого рода — когда

за минуту перед глазами проходит целая жизнь, которая в формате кино раскрывалась бы перед нами часа полтора как минимум.

Другая сторона творчества Алексея Ткаченко-Гастева, на мой взгляд, менее интересна. Хотя, как говорится, в одну реку дважды не войдешь, но «классическое русло» обзывает в плане формы и приводит к появлению таких распространенных и бесчисленное количество раз критикуемых явлений, как поэтизмы, нелепые вычурные метафоры, штампы, банальные рифмы и т.п. К примеру: «безмолвный правнук в озаренных бездной снах/бесстрастно жжет сундук моих записок» (1998). Или:

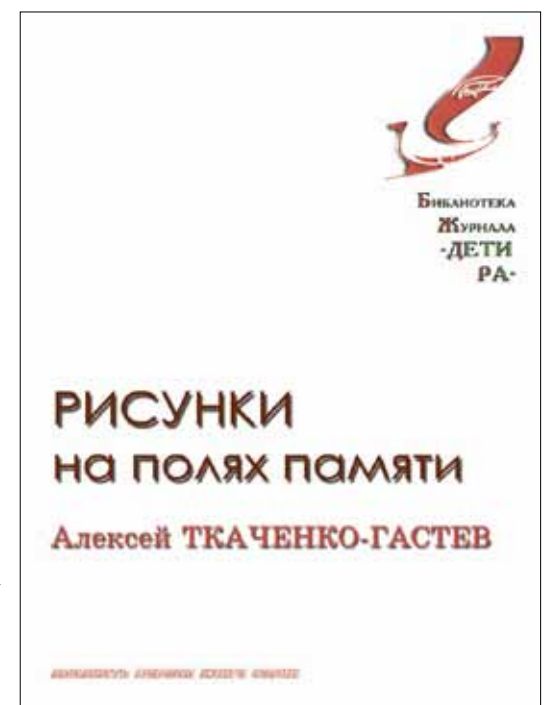
И нет ответов на мои вопросы,
и нет вопросов под мои ответы.

На лунном свете — радужные росы,
в прозрачной роще — радужные ветры.

2010

Удручает то, что, судя по широкому периоду творчества, представленному в книге «Рисунки на полях памяти», техническое мастерство автора заметно не развивалось. Однако это явственней дает понять, что у Алексея действительно получается и в какую сторону ему двигаться дальше.

Мария МАЛИНОВСКАЯ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Алла Красникова
«Я у тебя не спрашивала имя»

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

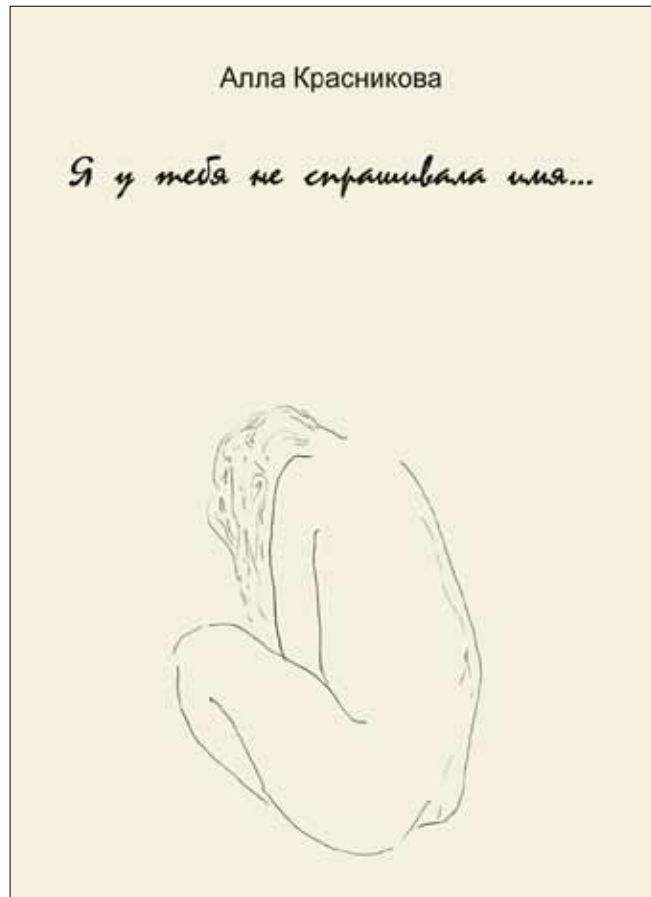
Думаю, есть люди, талантливые на чувства. И чувства эти «проговариваются» не сразу. Поэзия — может быть, лучший способ разобраться в своих чувствах. Страсть — синоним настоящей жизни. Счастливая любовь много стихов не рождает. Зачем писать стихи, если можно разговаривать телами? Зато неразделенные чувства — так и просятся на бумагу, и не только в целях самотерапии. А еще лучше для творчества, когда взаимная любовь постепенно переходит в неразделенную. Ты уже вкусил эту амброзию, ты уже побывал в раю — и оттого сильнее чувствуешь горечь утраты.

Я позволю себе не согласиться с некоторыми выводами Бориса Левита-Броуна из послесловия к книге Аллы Красниковой «Я у тебя не спрашивала имя...», только что вышедшей в издательстве «Вест-Консалтинг». Он говорит о лирике Красниковой как о «цветаевском» побеге на древе русской поэзии. Я думаю, есть некоторая путаница в суждениях о двух великих русских женщинах-поэтах. Некоторые исследователи вообще отказывают Ахматовой в страстности, которая всецело приписывается Цветаевой. Я полагаю, у Ахматовой — страсть сильная, глубинная, целомудренная, без признаков избыточной расхристанности. Страсть, которая горит ровным пламенем. И по этим признакам Алла Красникова, скорее, ближе к Ахматовой, нежели к Цветаевой. Страсть у Аллы Красниковой — царственна и в то же время стыдливо-целомудренна.

Так причудливо древней игры
 Перепутались тонкие нити,
 Если некому — не говорите,
 Не склоняйте глагол до поры.

Стихи Аллы Красниковой настолько прекрасны, что ей не хватает, пожалуй, только умения держать такой же накал поэтической речи до конца повествования, чтобы стать именитым русским поэтом:

Превращаются в прах даже милые лица.
 Что же, осень — последнее яблоко в руку.
 А хрустящему солнцу катиться, катиться...
 Без меня, без тебя — одиноко, по кругу.

В состоянии страсти в душе человека кипит невидимая внутренняя работа. Он мечтает и творит образ любимого по своему образу и подобию, отчего придуманный образ не всегда совпадает с живым человеком. Жизни во влюбленном так много, что он (она) проживает и за себя, и «за того парня». Человек любящий силен и слаб одновременно, но гамма чувств в нем на порядок выше, нежели в человеке спокойном и незаинтересованном.

Лишь в глубине высокой,
 Где ни любви, ни сил,
 Все догорают строки
 Тех, кто меня любил.

Несмотря на то, что тематика стихотворений Аллы Красниковой ограничена отношениями мужчины и жен-

щины, у читателя ее книги не возникает ощущения «неполноты» повествования. Причина тому — чистота чувств лирической героини, помноженная на глубокое эстетическое переживание и основательное владение автором родной речью.

Я читаю немало лирики, написанной представительницами прекрасного пола, и могу определенно констатировать: книга Аллы Красниковой — бесспорно, одна из лучших книг, вышедших за последние годы. При том, что автор практически неизвестна не только за рубежом, но и в своем родном городе Петрозаводске. Книга Аллы Красниковой вышла в драгоценной оправе рисунков и послесловия Бориса Левита-Броуна, что сообщает ей дополнительные измерения. Книгу хочется перечитывать снова и снова. Лирика Аллы Красниковой вышла за пределы чисто жанровых рамок и живет своей самостоятельной, самодостаточной жизнью. Чистота. Интеллект. Камерность. Страсть. Алла Красникова — интересный, неординарный, своеобразный человек. И большое спасибо поэту Борису Левиту-Броуну, который открыл для нас, читателей, это редкостное дарование.

И, в заключение, несколько мыслей Аллы Красниковой о поэтах и поэзии из ее беседы с журналистом Максимом Ефимовым.

— Кто такой поэт?

— Поэт — это человек, который имеет определенное состояние души; который впадает в это состояние, у которого иногда бывают «припадки», «приступы» этого состояния. Ты одновременно чувствуешь себя всем — деревом, небом, всем и в то же время ты не теряешь способности абстрагироваться от всего и вся. Это состояние возвращения к единству со всем. Новое качество. Человек отделился от природы, научился новому, а затем с накопленным багажом снова возвратился в прежнее состояние. Так и получаются стихи из этой первоначальной энергии. Поэт, который не понимает природу — не поэт. Поэт, возвращаясь, переживает радость начала творения мира. Поэт переходит в иной, настоящий мир, когда он един со всеми. Человек становится головастиком с разумом.

— Алла, что такое поэзия? Когда ты начала писать стихи?

— Я не знаю, что такое поэзия. Я начала писать стихи в детстве. Сначала стихи произносятся внутри, а уже потом вербализуются. Поэзия — это настроение. Такое определение поэзии понятно всем. Со временем эти поэтические состояния наполняются интеллектуальным содержанием.

Александр КАРПЕНКО

Александр Поповский
«В шаге от райских ворот»

М.: «Вест-Консалтинг», 2012

Александр Поповский пишет просто и незатейливо, но в то же время меня, читателя, все время не покидает ощущение затаившегося между строк подтекста. Да еще какая-то ирония с ехидцей постоянно закрадывается. В общем, далеко не прост поэт Александр Поповский!

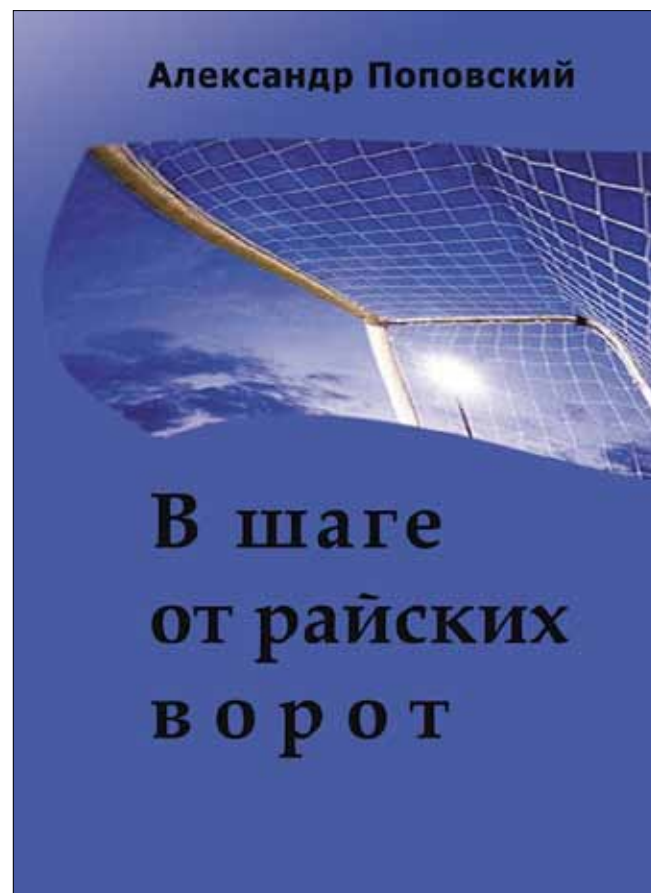
И в новом веке — кто-то на коне,
 А кто-то мылит ореол удавки.
 Но, что по праву причиталось мне,
 Испил до дна и не прошу добавки.

Александр Поповский хорошо владеет слогом. «Быть поэтом — печень слабовата» — иронизирует он над своей жизнью. Книга Александра Поповского «В шаге от райских ворот» наглядно демонстрирует сомневающимся, насколько важен в поэзии авторский, ни на кого не похожий язык. Вроде бы незамысловатые, по случаю написанные стихи. Но почерк-то узнаваемый! И это ценнее, нежели кто-то написал бы похоже на Пушкина и даже не хуже, чем Пушкин. То, что уже было — вторично, даже если это очень высокие образцы. Стихи Александра Поповского ценны своим неповторимым авторским голосом.

В круговороте событий,
 В хитросплетениях дня
 Не совершаю открытий —
 Все это не для меня.

К сожалению, установка на «неоткрытие» мира сужает духовный мир поэта, то и дело возникает непреходящее впечатление бедности его духовного мира. Автор пытается скрыть бездуховность за самоиронией:

Подальше держусь от греха.
 Кручу, что есть силы, педали.
 Пока за мои потроха
 Хорошую цену не дали.

Но порой за декадентской сущностью стихов Александра Поповского проглядывают удивительные строчки:

В подворотне невпазд ступая —
 То на грабли, то на облака,
 Плачет интуиция слепая.
 Из глазниц роняя жемчуга.

Самоирония и мягкий юмор пронизывают едва ли не все стихотворения Александра Поповского:

Подпрыгнул от голоса зычного.
 Под мышками треснули швы.

Стал ниже себя же обычного,
 Но все-таки выше травы.

Тактично, используя тряпочку,
 Мой ангел молчанье хранил.
 И душу усердно, как бабочку,
 От тела до неба ловил.

Есть ощущение, что напрасно Александр Поповский не разнообразит ритмику и строфику своих стихотворений. Короткие строчки в столбик — это уже давно пройденный этап в лирике XXI века. Но иногда упадническое настроение у героя Александра Поповского заканчивается. И тогда он находит в сердце мечту:

Мечту, осознанную прихоть,
 Учусь без памяти любить.

И между строк проговаривается странная философия: память — это груз, который мешает человеку двигаться вперед. Но, как только мы освобождаемся от гнетущей памяти, в сердце начинает вырисовываться мечта. А с ней уже можно пылливо смотреть в будущее.

Александр КАРПЕНКО

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Галина Богачева
«Сквозь призму кристалла»

М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Галина Богачева
«Очевидное как невероятное»

М.: «Спутник+», 2014

Галина Богачева — талантливый поэт. И ее книги, вышедшие в нынешнем году: «Сквозь призму кристалла» (М.: «Вест-Консалтинг») и «Очевидное как невероятное» (М.: «Спутник+») — встреча с удивительно поэтичным, тонко прописанным миром. С первых строк он завораживает, привлекает, манит:

Сквозь призму кристалла —
 Сквозь собственный мир
 Я строчки слагала,
 Пускала в эфир!

Однако вначале, перед тем как разбирать стихи, необходимо сказать несколько слов о самом авторе. Галина Богачева (Колосенко) — профессиональный филолог и поэт, член МГО Союза писателей России, СП XXI века. Автор многих сборников и публикаций. Ее книги не раз выставлялись на международных книжных ярмарках, в том числе — интеллектуальной литературы. Талант поэта отмечен рядом наград — это и многократные номинации на конкурсе «Поэт года» (уверена, награждение этой неординарной личности — не за горами!), Диплом за талантливое следование традициям русской литературы и лирическую образность в творчестве МГО СПР НП «Литературная Республика», памятная медаль С. Я. Маршака, диплом им. М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия», медаль М. Ю. Лермонтова, диплом литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина, орден «Золотая осень» им. С. А. Есенина за верное служение отечественной культуре. Награды заслужены многолетним трудом во имя русской литературы и, что необходимо отметить, следование гуманистическим традициям великих предшественников. Оттого удивительны награды Галины Богачевой, связанные с именами Лермонтова и Есенина — образность, простота изложения, глубокий внутренний смысл, — это роднит стихотворения рецензируемого нами автора с классиками. Разумеется, я не пытаюсь сравнивать, потому что уровень классиков недостижим, но отмечу, что Галина Богачева уверенно идет по поэтическому пути, развивает талант, что неоднократно отмечали критики, и, очевидно, в будущих книгах ее поэзия заиграет новыми — но такими же яркими! — красками.

И в нынешних немало удачных стихотворений. Более того, Галина Богачева не чужда экспериментов. Она пишет палиндромы, акrostихи, детские стихотворения и даже верлибры!

Люди редко выходят из раковин,
 В которых передвигаются по всей жизни.
 А как это?
 Так устроен мир.

<...>

Ибо, если человек
 Вдруг станет самим собой, —
 Покинет раковину —
 Окружающий мир отвергнет его!

(из книги «Очевидное как невероятное»)

Стихи философские. Вместо того чтобы выдумывать несусветицу, свойственную не в меру шустрому верлибристу, Галина Богачева говорит: «Так устроен мир». И нужно не искать несуществующие ответы, а просто существовать, жить и нести на себе скорлупку улитки. Жить в ней, в ней же возвращать свой мир. Это закон

жизни. Но чтобы заметить это и отшелушить от стороннего, нужен поэтический взгляд.

Автор вступления к сборнику «Сквозь призму кристалла» Лариса Ягункова, кажется, находит очень подходящие слова для творчества нашего автора: «Галина Богачева — настоящий поэт именно потому, что обладает способностью преподнести очевидное как невероятное, только что открытое и необходимое людям — что зимой холодно, а летом тепло, что весна дарит цветы, а осень краски, что солнце сияет, а кукушка кукует, что жизнь увлекает, а любовь возносит к небесам. <...> В ее стихах человеческие чувства сопряжены с пониманием жизни как великого блага, неоценимого дара, врученного человеку свыше».

В констатации жизненных истин Галина Богачева порой удивительно прозорлива:

Я сижу в квадрате света,
 А вокруг квадрата тьма.
 Но передвигается квадрат
 И скоро покинет свет меня.
 Тьма!

(из книги «Очевидное как невероятное»)

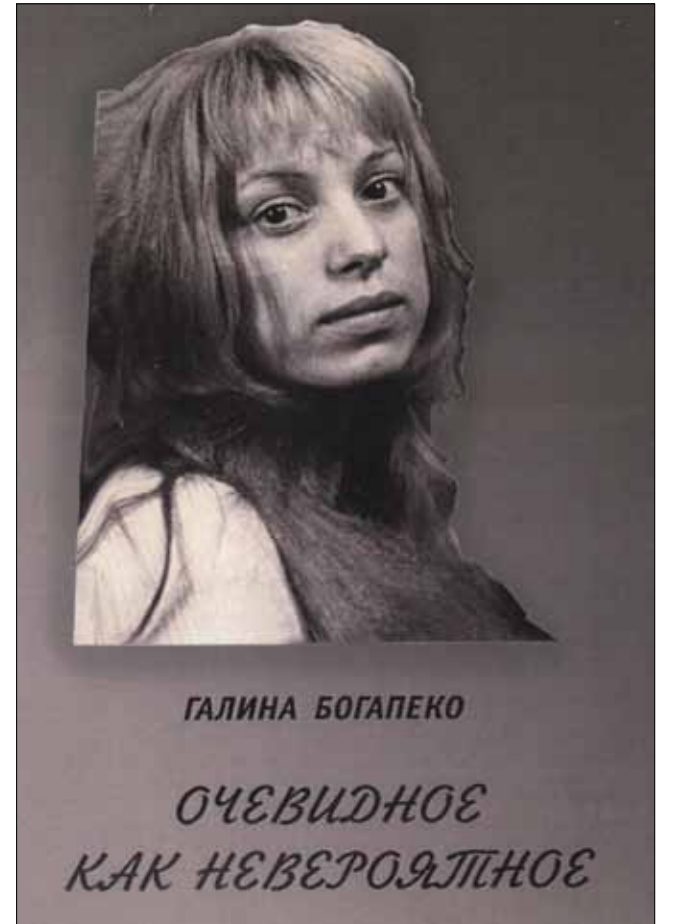
За этими с виду тривиальными строчками скрыт немалый пласт, почерпнутый из сокровищницы отечественной культуры. Это, как мне кажется, постмодернистский текст. Возникают ассоциации с Бродским и его стихотворением «Я сижу у окна...». Но ассоциативно повествование накладывается и на «Черный квадрат» Малевича! Галина Богачева объединяет взгляды, добавляет геометрии, и стихотворение становится прикладным. Два квадрата в перемещении создают удивительные эффекты!

Анна Гедымин, один из авторов вступления к сборнику «Очевидное как невероятное», подмечает: «Поэтесса обладает редким даром писать страстно, искренне, нешаблонно — и в то же время доступно, без излишних формальных вывертов и нагромождений». В короткой рецензии не удастся поговорить обо всех составляющих творческого мира Галины Богачевой. Отметим, что ей не чужды и фольклорные стихотворения, и поэзия для детей, так необходимая сегодня. Но одно из самых дорогих лично для меня составляющих ее книг — посвящения классикам. Умение ценить предшественников, бережно относиться к их слову — важно для нынешнего поэтического поколения, зачастую — кроме себя — никого не замечающего вокруг. Вот только некоторые характерные посвящения (примеры взяты из обоих сборников):

Марина мчится по планете
 Своей строкой,
 Шифруя коды
 волшебной плетью,
 Сквозь годы
 Прошлого столетья.

(о Марине Цветаевой)

Там так же стоит его светлая хата,
 Там так же Ока полноводьем богата...

Но только Есенину этого мало —
 Ему не хватало во всем идеала...

(о Сергее Есенине)

Я хотела пойти к Пастернаку
 На погост,
 Передумала, нет!
 На погосте тлением пахнет,
 По погосту гуляет смерть.

Вот в музее — другое дело —
 Прикасаюсь к душе Пастернака
 И брожу с ним так, как хотела,
 По дорожкам живым в «обратно».

(о Борисе Пастернаке)

В книгах множество лирических стихотворений, — гармоничных и вызывающих приятное послевкусие. Нельзя не отметить, что Галина Богачева — богатый душой человек. Она интересуется многим, и из всех проявлений жизни черпает ресурсы для творчества. И мир благодарит ее — читателями и почитателями, книгами. Но самое главное — стихами, в которых проявляется чуткая душа поэта.

Я сызна мыслью
 Затронула темы,
 Что сызмальства в выси
 С эфира летели
 И плыли по венам
 Деревьев ветвистых,
 И смело ложились на листики чистые...

(из книги «Сквозь призму кристалла»)

Чисты и прекрасны образы Галины Богачевой! Не случайно сказал о ней автор послесловия к сборнику «Очевидное как невероятное» Вячеслав Ананьев: «Стихи Галины Богачевой достаточны и для того, чтобы использовать их для спокойных глубоких медитаций. <...> И, в то же время, делает читателя как бы соавтором, заставляя прочувствовать тему и размышлять над сказанным. А при повторном прочтении стихотворений на свет появляются иные, скрытые пласты замысла автора. <...> Они не суетны, не утомительны, рождают в сознании глубокие ассоциации, читаются легко, помогают дышать полной грудью». Легкого пути к читательским сердцам новым книгам нашего талантливого современника!

P. S. Отметим и гражданскую позицию автора. На ее странице на сайте «Стихи.ру» сказано, что «в 2014 году Галина Богачева через издательство «Спутник+» направила 600 экземпляров своих книг в Российский детский фонд (в подарок детям Крыма) на сумму 247000 рублей и 90 экземпляров детских книг в Анапу на сумму 40000 тысяч рублей». Это настоящее проявление поэтической гражданственности!

Анастасия ОРЕШКИНА-НИКОЛАЕВА

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Юрий КОЛОДНИЙ
ЧТО, БРАТ, ЕЩЕ ТЕБЕ СКАЗАТЬ?

* * *

Что, брат, еще тебе сказать? Какую песню спеть?
Что Русь великая в беде и сколько боль терпеть?
Уж льется кровь степной рекой, у дома смертный бой.
И слышен плач за упокой над общею судьбой.
Где брат на брата, кровь за кровь и между нами Мать...
Доколь заморскою стрелой друг друга убивать?
Где святость высшая в беде — не стоит ложь терпеть.
Не надо жить чужой судьбой, чужие песни петь.
И каждый должен сам понять и выбор сделать свой.
В смертельной схватке устоять с коричневой чумой.

ДУМА КАЗАКА

Итог страданий — сердца плач...
На крест могильный, как палач,
Сел ворон, смотрит свысока
На боль и муку казака.
В открытом поле за рекой,
Где дуб заветный вековой,
Не обрела душа покой.
О чем грустишь, казак лихой?
О доме и о злой судьбе,
О вечной памяти в мольбе?
Как голос совести поднять
И скорбь безмерную унять?
Увидеть свет былых времен
Среди регалий и знамен?
И беды всей душой принять —
За Русь святую постоять!

БОЛЬ

Рок законом неизвестным
Правит нами на земле.
И несем мы ходом крестным
Боль в невежестве и мгле.

Боль судьбы за все деянья,
Что прошли пусть в стороне.
В ней и радость осознания,
И любовь к своей стране.

Сильным силы боль вселяет,
Слабых всех она казнит.
И жестоко поучает,
Тех, кто с совестью ловчит.

И в удаче, и в покое,
Точно зеркало души,
Не дает нам жить в застое,
В мире ханжества и лжи.

Боль присутствует, как прежде,
С нами в жизненной судьбе.
Учит жить в любви, надежде,
В горе, счастье и беде.

* * *

Услышьте сердцем тишину,
Где боль струится меж словами.
В рассветном, мысленном плену,
Не запятив себя делами.

В потоке солнечного дня,
В коварстве подлого обмана.
В бессмертной музыке огня,
Слезой остывшего тумана.

Услышать, может быть, понять.
Душой прекрасное увидеть.
Что будет, в прошлом перенять,
И грубым словом не обидеть.

Услышьте сердцем тишину,
Где память бьется меж словами.
Непобедимую страну
С необъяснимыми делами.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

*Посвящается светлой памяти мамы —
Веры Ивановны Колодной (Трофименко)*

Полевые цветы — света странники.
Вы, как небо чисты — душ избранники.
Вы омыты росой предрассветною,
А, быть может, слезой безответною?
Вам открыты просторы небесные
И земные пути неизвестные.
В чистом сердце, как песней рассветною,
Вы согреты любовью заветною.
И звучит в вас мелодия вечная
Светлой песней, как даль бесконечная.
Ничего нет случайного, лишнего.
Полевые цветы — дар Всевышнего!

* * *

Из праха — в прах...
Смерть — это крах?
Душа ведь остается.
И светлый лик,
И Божий страх,
Что в сердце храбром бьется.
Свет продолжает жить в веках.
В словах любви — дар вести.
И мысль, сокрытая в строках,
Воскреснет с чудом дара — вместе.
Из праха — в прах...
В других мирах...
Но память остается.
И светлый лик,
И Божий страх,
Что мудростью зовется.

* * *

Огнем огня не загасить,
И силой правду не измерить.
Я воспеваю словом жизнь
И призываю сердце верить.

ЗАВЕТ МАТЕРИ

Посвящается — Наталье Алексеевне Захарченко (Носковой)

Как дар светлой жизни, готов я отдать
Все песни Отчизне, что пела мне мать.

Напевы любимой былой старины,
Молитвой хранимой родной стороны.

Навек я запомнил Завет в тишине:
«В душе все начало, в ее глубине.

В словах — свет зарницы, огонь от свечи.
В напевах станицы — от сердца ключи.

Прислушайся к голосу, святости Глав,
Небесную музыку сердцем принял».

БЕЛАЯ НОЧЬ

У крыльца родного, где сирень цвела,
Цвета неземного ночь, как дым, бела.
Серебром задела. Душу обожгла.
Соловьем запела розовая мгла.

Пела о печали, пела о весне.
Как любовь венчали звезды в вышине.
Где судьбы дорога в юность завела,
Не суди так строго, розовая мгла.

В тишине рассвета разлилась заря,
В перезвонах лета серебро дая.
Здесь любви дорога в сердце пролегла,
У крыльца родного ночь, белым-бела.

* * *

Жизнь не прошла, ушло ее цветенье.
Плоды созрели, осень у ворот.
Она как сон, как вечное мгновенье,
Пришла со мной, со мной она уйдет.

И растворится в песне мирозданья.
Блеснет на небе яркою звездой.
И станет звуком, неземным преданьем,
Далеким эхом памяти земной.

МНЕ С ЛЮБОВЬЮ ПО ПУТИ

*Посвящается светлой памяти
народного артиста СССР,
композитора Григория Фёдоровича Пономаренко*

Мне с любовью по пути,
С ней светла дорога.
Ты, душа моя, лети
Песней до порога.
До любимых тополей
Под раскаты грома.
Над просторами полей
Под звездой у дома.

Пой о милой стороне,
О судьбе и боли,
О далекой старине
И казачьей доле.
О величии полей
И степном раздолье,
Пой, душа, и не жалея
О былом приволье.

В небесах среди огней,
Где живет свобода,
Пой, душа моя, сильней
Для всего народа.
Мне с любовью по пути,
С ней легка дорога.
Песня светлая лети
От души до Бога.

* * *

Я вновь очутился в созвездье Стихов,
В коварстве страстей и невольных грехов.
Блуждаю, как странник, на стыке веков,
В пространстве любви и забытых стихов.
Круг солнца замкнулся, тревожно в ночи.
Осталось сиянье от вечной свечи.
Но сила молитвы и свет от души
Зажгут вновь лампаду в далекой глуши.
Спешу я по кругу ушедшего дня,
Чтоб сердце согреть у живого огня.

РЕКЛАМА

Список авторов книг,
изданных в «Вест-Консалтинг»

1. Ольга Адрианова	59. Виктор Грушко	116. Алексей Козин	174. Константин Никитенко	231. Людмила Строганова
2. Геннадий Айги	60. Ирина Горюнова	117. Алла Козырева	175. Михаил Николаев	232. Сергей Стукало
3. Галина Куборская-Айги	61. Анатолий Гоморев	118. Александр Колобаев	176. Наталья Никулина	233. Сергей Сутулов-Катеринич
4. Владимир Алейников	62. Евгений Гоморев	119. Юрий Колодний	177. Николай Никулин	234. Александр Сыров
5. Сергей Алимарин	63. Григорий Горнов	120. Людмила Колодяжная	178. Владимир Новиков	235. Ольга Татаринова
6. Зульфья Алькаева	64. Ги Гоффет	121. Надежда Кондакова	179. Сергей Ныркков	236. Жан Тардые
7. Анна Альчук	65. Андрей Гусев	122. Александр Коновалов	180. Александр Олейников	237. Владимир Титов
8. Елена Антонова	66. Таисия Гуськова	123. Александр Кожемякин	181. Александр Орлов	238. Александр Ткаченко
9. Григорий Арлинский	67. Олег Гуров	124. Людмила Коль	182. Дмитрий Остапович	239. Алексей Ткаченко-Гастев
10. Светлана Артемова	68. Алла Горчева	125. Юрий Коньков	183. Елена Павлова	240. Дубравка Ораич Толич
11. Сергей Арутюнов	69. Татьяна Грауз	126. Владимир Коркунов	184. Игорь Панин	241. Дмитрий Тонконогов
12. Игорь Архангельский	70. Юрий Григорьев	127. Леонид Корниенко	185. Мария Панфилова	242. Виктория Топоногова
13. Ирина Асоянц	71. Борис Гринберг	128. Ксения Корнилова	186. Алексей Пахомов	243. Александр Трунин
14. Эльдар Ахадов	72. Алиса Гринько	129. Артём Корсаков	187. Татьяна Пацаева	244. Леся Тышковская
15. Рита Бальмина	73. Феликс Гурт	130. Владимир Кочетков	188. Станислав Пенев	245. Вальтер Тюмлер
16. Роман Барабаш	74. Алексей Даен	131. Любовь Красавина	189. Юрий Перфильев	246. Валерий Тюпа
17. Андрей Баранов	75. Владимир Дашкевич	132. Алла Красникова	190. Георгий Петров	247. Марк Уральский
18. Ольга Баранюк	76. Эрнест Даусон	133. Нина Краснова	191. Юлия Пономаренко	248. Борис Устименко
19. Аркадий Бартов	77. Владимир Делба	134. Сергей Кромин	192. Сергей Попов	249. Людмила Уфимцева
20. Александр Барынин	78. Алина Дием	135. Ирина Кронгауз	193. Александр Поповский	250. Надежда Ушакова
21. Юрий Беликов	79. Светлана Дион	136. Елена Крыжановская	194. Эдуард Просецкий	251. Александр Файн
22. Виктор Белоусов	80. Виталий Дмитриев	137. Александра Крючкова	195. Владимир Пучков	252. Наталья Фатеева
23. Готфрид Бенн	81. Элен Дорион	138. Борис Кутенков	196. Викентий Пухов	253. Сергей Фед
24. Зоя Билютина	82. Мария Душаева	139. Борис Ларюшкин-Железный	197. Снежана Ра	254. Александр Федулов
25. Сергей Бирюков	83. Виктор Дьяков	140. Борис Левит-Броун	198. Иосиф Рабинович	255. Наталия Филатова
26. Галина Богапеко	84. Эдмон Жабес	141. Марина Левина	199. Ксения Радионова	256. Фёдор Филиппов
27. Юрий Богданов	85. Макс Жакоб	142. Алексей Левшин	200. Егор Радов	257. Сергей Фотиев
28. Марина Борина-Малхасян	86. Максим Жуков	143. Александр Лейбо	201. Леонид Резник	258. Юлиан Фрумкин-Рыбаков
29. Михаил Бойко	87. Анатолий Зайцев	144. Илья Леленков	202. Илья Рейдерман	259. Евгений В. Харитонов
30. Константин Брансвик	88. Максим Замшев	145. Слава Лён	203. Ирина Репина	260. Игорь Харичев
31. Ян Бруштейн	89. Сергей Зубарев	146. Александр Либеров	204. Евгений Реутов	261. Рустэм Хисматуллин
32. Николай Булавкин	90. Елена Ерофеева-Литвинская	147. Наталия Лихтенфельд	205. Наталья Рожкова	262. Бруно Ходнагель
33. Лео Бутнару	91. Анастасия Ермакова	148. Аня Логвинова	206. Иван Розанов	263. Михаил Хорев
34. Вир Вариус	92. Владимир Ермолаев	149. Ольга Любимова	207. Татьяна Романова-Настина	264. Юрий Хрычов
35. Александр Вепрёв	93. Владимир Ерошин	150. Александр Лысенко	208. Данте Габриэль Россетти	265. Михаил Чевега
36. Верочка Вербина	94. Наталья Ефимова	151. Виктория Лысенко	209. Пётр Ртищев	266. Валерий Черкашин
37. Анна Ветлугина	95. Олег Ёлшин	152. Дмитрий Лукин	210. Борис Рубенчик	267. Анастасия Чернова
38. Татьяна Виноградова	96. Константин Иванов	153. Анна Лучина	211. Катя Рубина	268. Александр Четверкин
39. Виталий Владимиров	97. Дарья Ильгова	154. Владимир Мазья	212. Борис Рублов	269. Дмитрий Цесельчук
40. Александр Волин	98. Инесса Ильина	155. Наталья Мамлина	213. Павел Рыков	270. Геннадий Шамрай
41. Александр Воловик	99. Инна Иохвидович	156. Питер Н. Мартин	214. Дина Садыкова	271. Олег Шатыбелко
42. Игорь Воловик	100. Константин Иванов	157. Борис Марченко	215. Алексей Самойлов	272. Лариса Шестакова
43. Дэвид Вонсбро	101. Елена Иванова-Верховская	158. Владимир Масалов	216. Людмила Саницкая	273. Татьяна Шемакина
44. Вячеслав Воронков	102. Магомед Кадирбеков	159. Арсен Мелитонян	217. Елена Сафронова	274. Татьяна Шемакина-Бородянская
45. Олег Воронцов	103. Татьяна Кайсарова	160. Вилли Мельников	218. Глеб Сахаров	275. Маргарита Шилова
46. Инна Враймуд	104. Николай Калининченко	161. Надежда Мещерякова	219. Евгений Селезнёв	276. Леонид Шимко
47. Михаил Вяткин	105. София Камалова	162. Юрий Милорава	220. Людмила Серова	277. Давид Шраер-Петров
48. Наталья Габриэлян	106. Семён Каминский	163. Елена Минькина	221. Ирина Силецкая	278. Татьяна Щекина
49. Лика Галкина	107. Суламифь Канарская	164. Александра Миронова	222. Ольга Симоненко-Большагина	279. Любовь Щербинина
50. Галина Гедрович	108. Алексей Караковский	165. Мария Миронова	223. Андрей Сокульский	280. Элана
51. Георгий Геннис	109. Юлий Квартин	166. Ольга Михайлова	224. Олег Солдатов	281. Инна Юрманова
52. Максим Гликин	110. Ингрид Кирштайн	167. Сергей Мнацаканян	225. Валентин Соломатов	282. Алексей Юрьев
53. Владимир Глянц	111. Тамара Клейман	168. Вячеслав Моисеев	226. Владимир Солоненко	283. Александр Юсупов
54. Александр Говорков	112. Светлана Климова	169. Ольга Моисеева	227. Виктор Соснора	284. Ия Эско
55. Евгений Голованов	113. Виктор Клыков	170. Виталий Молчанов	228. Анастасия Степанова	285. Борис Якубович
56. Ирина Голубева	114. Юрий Кобрин	171. Вадим Мувад	229. Евгений Степанов	
57. Сергей Горбушин	115. Кирилл Ковальджи	172. Дмитрий Мурзин	230. Наталья Стикина	
58. Лев Готгельф		173. Антон Нечаев		

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 10 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдёте наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим. Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт». Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Союза литераторов России
(www.moljane.narod.ru), Холдинговой компании
«Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com) и
Литературно-творческого объединения

МИД России «Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>,
https://twitter.com/litiz_ru

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Нина Давыдова,
Максим Замшев, Константин Кедров, Владимир Масалов,
Арсен Мелитонян, Наталья Рожкова, Евгений Степанов,
Дмитрий Цесельчук

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Василий Манулов

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка

Евгений Мелешин

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринин, Наталия Лихтенфельд

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д. 13 а. Заказ № 7137. Общий тираж 5000 экз.